

СОЧИНЕНІЯ И ПЕРЕВОДЫ

№ 13.

СТУДЕНТОВЪ

13

ИМПЕРАТОРСКАГО Харьковского
Университета, чинанная 1820 года
Юня 30 числа по окончаніи экза-
меновъ ихъ.

56759. 56759.

Вер. 1830

ВЪ ХАРЬКОВѢ,

Въ Университетской Типографіи,
1820 года.

Лен. Гос. ун-т
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького

Съ дозволенія Цензуры.

ВЪ УНІВЕРСИТЕТѢ ТИПОГРАФІИ
1861

I. РѢчь.

Объ отношеніи Религіи къ государствамъ.

Вольнослушающаго Матвея Протололова.

Царства раждаются, возрастають, падають: такъ знаменитѣйшіе Геніи, занимавшіеся судьбою государствъ, согласились заключить послѣ глубокихъ своихъ изслѣдованій. Не довольствуясь, по примѣру душъ обыкновенныхъ, созерцаніемъ державъ среди величія, они величію сему желали вѣчности; но гибельные опыты вѣковъ, при самомъ рожденіи, изстребляли высокую ихъ мысль. Блестательнѣйшая степень возвышенія превращалась въ предвозвѣстницу близкаго паденія.

Но почему бы государствамъ, достигнувъ высокой степени могущества, не наслаждались онымъ до позднѣйшихъ вѣковъ, или даже до послѣдней минуты всеобщаго преобразованія? Явленіе высокое, поразительное, и, поистиннѣ возможное въ сферѣ любимыхъ небесами твореній! Все зависитъ здѣсь отъ основанія, съ которымъ бы народы и Владыки ихъ соображали свои дѣянія. Въ чемъ же состоить сіе таинственное основаніе?

Напрасно будешь искашь его въ обширныхъ завоеваніяхъ: побѣжденные естественно ненавидятъ побѣдителей и вѣчно мыслятъ противъ могущества

ихъ. Напрасно будутъ искать его во всеобщемъ изобиліи; безпечность, изнѣженность и слабость суть бѣдоносные спутники богатства, возжигающаго зависть сосѣдственныхъ народовъ. Напрасно будутъ искать его въ хитростяхъ политики: обманутые втайнѣ пылаютъ мщеніемъ, и ожидаютъ роковаго сигнала къ разпорженію узла оной мечемъ гибели. Не тамъ — а въ Религіи сокрыта безцѣнная тайна неизблемости царствъ земныхъ; въ ней заключается источникъ политической жизни великихъ поколѣній.

Знаю, что жемудрственные оракулы не обращаютъ гордаго вниманія своего на сей законъ небесъ. Принимая составъ государствъ преимущественно въ вещественности, они не способны понять, какое отношеніе къ нему имѣетъ сила вѣры, господствующая надъ нравственностію. Но не единъ ли и тойже Богъ есть начало и конецъ какъ вещественной, такъ и духовной природы? Не единъ ли Онъ есть общій центръ всѣхъ возможныхъ соотношеній вселенныя? Богъ возводитъ народы чшущіе Его, и низводитъ племена беззаконныя. И такъ, ежели непоколебимость могущества или, такъ сказать, политическое безсмертіе государствъ возможно, то оно возможно токмо на основаніи священной Религіи. Истинна сія очевидна: стоить только вникнуть въ оную со свѣшльникомъ разума.

Предметы, входящіе въ охраненіе благосостоянія государствъ, неизчислимы: воображеніе ужасается покушаясь объять оныя. Но кратки и опредѣленны пути, ведущіе ихъ къ гибельному паденію: всѣ ниспроверженныя доселѣ державы, ниспровержены были или мечемъ кровавой войны или бурей внутренняго разстройства. Надлежитъ умѣть отражать удары пер-

вой, и предотвращать послѣднее: царство вѣчно пребудетъ торжествующимъ, непоколебимымъ.

И во первыхъ отражать удары войны. Родъ человѣческой, подобно необозримому океану, всегда почти находится въ волненіи. Съ самаго появленія отдѣльныхъ обществъ и до сихъ поръ не прошло почти ни одного десятилѣтія, которое бы не было оглашено ревомъ военныхъ бурь. Ибо великія царства, составленныя изъ умосвободныхъ недѣлимыхъ, въ совокупности подобны каждому изъ нихъ въ особенности: онѣ такъ же увлекаемы бывають стремленіемъ спрасстей; удовлетворяя себѣ въ первыхъ желаніяхъ, спановяшся алчнѣ къ новымъ; достигнувъ одной цѣли, составляютъ уже другіе планы и предположенія. Вѣчное движеніе и перевороты царствуютъ на земномъ шарѣ.

Вообразимъ себѣ державу, покоящуюся подъ сѣнью мира и тишины. Она не прихѣсняетъ сосѣдственныхъ народовъ; не строитъ коварныхъ замысловъ противъ тѣхъ государствъ, отъ ослабленія коихъ могла бы получить отличныя для себя выгоды, она свято соблюдаетъ дружественныя связи и довольствуется своимъ спокойствіемъ: но враждебный духъ можешь возмутить оную. Одна зависть способна уже произвести кровопролитіе; зависть, съ досадою назирающая цвѣшущую окрестность, томящаяся при созерцаніи благополучія, раздражаемая возвышеніемъ другихъ. А что сказать еще объ ослѣпляющей славѣ, о спрассти къ завоеваніямъ? Все это суть достаточныя причины неприязненныхъ дѣйствій въ политическомъ мѣрѣ, къ безжалостному пожертвованію цѣлыми тысячами людей, произведенныхъ не для бѣдствій, но для щасія.

И вотъ одно изъ мрачнѣйшихъ явленій! Люди наполняютъ небо и землю воплями противъ сей въ шрепеть! приводящей гибели, и за вѣтъ тѣмъ не престають, какъ разъяренные звѣри, шерзашь другъ друга, нападаая милліонами на милліоны. Разверзается царство ужасовъ и смерти; многочисленныя ряды пагубоносныхъ орудій составляютъ огражденіе онаго; кипящая кровь въ видѣ потоковъ струится по разнымъ направленіямъ, и льется въ уста пораженныхъ; густой дымъ и взвизывающійся прахъ облегаютъ сцену оспервененія и заражаютъ дыханіе ожесточенныхъ; наконецъ глухой стонъ несчастныхъ жертвъ, опустошенія окрестностей, безжалостное обремененіе оставшихся отъ пораженія довершаютъ сіе ужасное зрѣлище въ кругу человѣчества.

Мысль содрогается, объемля послѣдствія онаго, послѣдствія, отъ которыхъ иногда пол-свѣта страждетъ. Отъ шума кровавыхъ битвъ бѣгутъ науки и художества, составляющія превосходнѣйшіе дары неба; имъ нѣтъ уже пристанища между людей унылыхъ, скипающихъ какъ блѣдныя тѣни, среди развалинъ Богатства, законныя плоды трудовъ, исчезають подѣ грозными тучами браней подобно богатствамъ природы, умирающимъ подѣ хладными крылами снѣжной бури. Мирный земледѣлецъ не находитъ на угобженной нивѣ своей ни самаго жилища своего. Повсюду слѣды пожирающаго пламени: ничто не остается въ цѣлости. Мрачный духъ разрушенія тамъ возсѣдаетъ. Такова картина низложенія царствъ земныхъ!

Но не всѣ державы исчезають въ кровавой пучинѣ. Бранный громъ потрясаетъ всѣ престолы; но не всѣ изъ нихъ низпровергаемы бывають враждеб-

нымъ оружіемъ: многіе изъ народовъ устояли подъ ударами войны и — новый блескъ осѣнили ихъ, подобно лучамъ солнца, съ большею яркостію освѣщающимъ голубой горизонтъ послѣ ненастья. Безстрашное мужество и пламенная храбрость торжествуютъ надъ сопротивными, охраняютъ престолы, спасаютъ царства!

Такъ — мужество и храбрость! но что можетъ намъ внушать оныя? Всякому ли человѣку, всѣмъ ли народамъ сіи рѣдкіе дары даетъ природа? не суть ли онѣ болѣе плоды мудраго правительствѣа? Нація, наслаждающаяся миромъ, безопасно предается занятіямъ промышленности, и спокойно пользуется плодами трудолюбія своего: бьетъ роковой часъ и — она превращается въ сонмъ героевъ; отъ орудій земледѣлія обращаются къ острію мечей, отъ безмятежныхъ хижинъ къ шумному полю битвы, отъ семейственныхъ удовольствій къ ужасамъ пораженія; побѣда увѣнчиваетъ подвиги ихъ и возвращаетъ имъ дни мирныхъ ихъ упражненій. Чтожь можетъ производить подобныя чудеса? Что можетъ вселять сіи геройскія чувствованія народамъ? Это есть священная Религія; Религія которая составляетъ верховное условіе соединенія и движенія силъ нашихъ; Религія, которая есть общая принадлежность и глубокомысленныхъ ученыхъ и самыхъ простолюдиновъ, и блестящихъ знаменитію и въ неизвѣстности живущихъ, и славнѣйшихъ Владыкъ и самаго послѣдняго изъ подданныхъ. Она составляетъ верховное условіе соединенія и движенія силъ нашихъ: такъ странно ли, что среди бѣдствій, угрожающихъ цѣлому государству, озаренные свѣтомъ ея, мы отъ унынія воскресаемъ къ неборимой крѣпости и остаемся

непобѣдимыми? Она есть общая принадлежность всѣхъ и cadaго: такъ мудрено ли, что, толико разнствующіе какъ по образу мыслей и разположенію чувствованій, такъ по роду жизни, состоянія и занятій, сограждане, воззванные гласомъ ея, совокупляютъ всѣ силы въ одну силу, всѣ воли въ одну волю и такимъ образомъ, горя всѣ однимъ желаніемъ и стремясь къ одной цѣли, всегда щастливо отражаютъ нападенія зависти или честолюбія племень чуждыхъ? Ея дѣйствіе, не менѣе какъ и небесное происхожденіе ея, оправдываютъ въ полной мѣрѣ чаяніе народовъ.

Престаньте ложные философы пвердить свѣту о пристрастіи къ собственности, о привязанности къ праху предковъ, провозглашая ихъ важнѣйшими, главными побужденіями къ неборимой защитѣ государства, къ ревностному охраненію престоловъ. Онѣ никогда бы не имѣли для мыслящаго существа сей высокой цѣны, и особливо въ смущенныя времена бѣдствій, ежели бы понятія объ оныхъ не сопряжены были скрытымъ образомъ съ высочайшимъ понятіемъ Религіи. Мы защищаемъ жилища свои, поелику въ нихъ привыкли испрашивать себѣ благодѣяній неба; — почитаемъ освященными кости праотцевъ и страшимся допустить врага къ нарушенію покоя ихъ, поелику въ нихъ усмаприваемъ послѣдніе остатки виновниковъ бытія нашего, воззванныхъ къ обожжаемому нами Существо, которое представляемъ себѣ Владыкою жизни и смерти; — любимъ отечество, поелику съ самаго дѣтства нашего научились въ отечественныхъ храмахъ ощущать присутствіе Божества, и внимать велѣніямъ святой воли его, открывающимъ сердцу нашему истинныя обязанности,

за исполненіе коихъ оно предобѣщаетъ намъ нескончаемое блаженство. Религія есть общее основаніе привязанности нашей къ собственности, къ праху отцевъ, къ отчизнѣ: онѣ суть не иное что, какъ различныя, такъ сказать, измѣненія одного и тогоже благоговѣйнаго чувства, подобно какъ пополь, пальма и кедръ суть различныя развитія одной и тойже растительной жизни. Религія есть драгоценнѣйшая наша собственность, для коей безпрекословно рѣшаемся жертвовать всѣми прочими собственностями; она есть предметъ такого благоговѣнія, предъ коимъ умолкаютъ чувствованія наши къ гробамъ предковъ; она есть по небесное знаменіе отечества, для коего неизмѣняющеюся горимъ къ нему любовью, и защищаемъ его до послѣдней минуты дыханія.

И такъ, ежели всѣ согласны въ томъ, что привязанность къ собственности, освященіе въ памяти праха отцевъ и любовь къ отечеству суть надежныя и необманчивыя побужденія народовъ къ храброму отраженію силъ враждебныхъ и къ щастливому поддержанію колеблемаго могущества державъ: то не должно ли признаться, что Религія, яко высочайшее и общее условіе оныхъ есть единственный, самимъ небомъ ниспосланный Геній хранитель царствъ земныхъ? Одушевляя гражданъ, она дѣлаетъ ихъ мужественными и твердыми; проницаая въ души ратоборцевъ, она превращаетъ ихъ въ героевъ и, сокрушая крѣпкою мышцею ихъ неприязненные замыслы, отклоняетъ отъ государствъ ударъ пораженія, и тѣмъ поддерживаетъ самостоятельное бытіе ихъ. Такъ одинъ изъ числа малочисленнѣйшихъ народовъ древности, Іудеи, чрезъ цѣлый рядъ вѣковъ боровшійся по съ фанатизмомъ язычества, по съ напа-

деніями зависти, то съ безразсудностію честолюбія, будучи укрѣпляемы священными понятіями вѣры, постоянно держались на полишическомъ театръ вселенной. Случалось, что они оставляли оный; опдаленный Ниль и гордый Вавилонъ были свидѣтелями уничиженія ихъ: но Навинь, Гедеонъ, Іудинъ и Маккавеи не доказываютъ ли намъ, сколь они могущественны были подъ эгидою вѣры? Бытописатели, обозрѣвая страну прошедшаго, съ удивленіемъ замѣчаютъ: почему сія горсть избранныхъ Божіихъ не была, при самомъ произхожденіи своемъ, добычею иноплеменныхъ, или почему они, бывъ однажды поработены, не остались навсегда исключенными изъ великой книги царствъ? — Въ небесныхъ чувствованіяхъ, въ святой Религій, въ преданности Господу Саваоѳу да познаютъ причину сего чуднаго событія въ исторіи рода человѣческаго.

Но ежели сей опытъ не удовлетворителенъ по глубокой древности своей, или по особенному образу правленія потомковъ Авраама, у коихъ оно не посредственно зависѣло отъ самаго Бога: то намъ стоить только обратитъ взоры на себя, Россіяне! Кто изъ насъ не ощущаетъ еще о сию пору отголосковъ шумнаго нашествія, воздвигнутаго алчностью пропивъ отечества нашего? Западные предѣлы наши разорены были, цвѣшущіе грады разрушены, злая поля опустошены и — духъ Руссовъ крѣпился въ великодушномъ терпѣніи: но когда дерзость коснулась святыни и храмовъ въ посѣдѣвшей столицѣ нашей; тогда Геній націи пробудился, и — серпъ съ косомъ, посѣкавшіе питательный злакъ, обратились на пораженіе сопосама. Разборцы наши ожидали еще времени, опредѣленнаго въ планѣ мудраго Вождя;

а рука женская уже истребляла иноплеменных. Наконецъ окрыленные силою вѣры легіоны наши пролептали половину Европы и въ самомъ сердцѣ смирили алчныхъ: не грады — цѣлыя области суть свидѣтели геройскихъ подвиговъ ихъ. Живешь еще врагъ нашъ: но Россія благоденствуетъ!

Такова сила Религіи въ соблюденіи престоловъ и царствъ! Пускай ложные полиптики исключаютъ ее изъ числа предметовъ своихъ; пускай они основываютъ непоколебимость государствъ на внутреннемъ богатствѣ, на дружественныхъ связяхъ съ первоспашейными державами, на выгодныхъ сношеніяхъ съ содѣственными народами, на образованіи гражданъ, на множествѣ и искусствѣ бранноносцевъ и проч.: все это тогда шолько можетъ быть твердымъ основаніемъ могущества народнаго, когда Религія царствуетъ въ душахъ всѣхъ и каждаго. Съ ослабленіемъ вліянія оной на общественныя поступки ослабѣваетъ сила государствъ, и ничто не можетъ замѣнить оной. Доколѣ державы будутъ утверждать могущество свое на оной: дополѣ онѣ останутся непоколебимы; дополѣ онѣ не узрятъ конца своего.

Во вторыхъ еще внутреннее разстройство представляешь намъ ту печальную сцену, среди которой низпровергаются могущественнѣйшіе престолы и разрушаются огромнѣйшія державы. — Во всѣ времена и во всѣхъ странахъ царства производили на основаніи извѣстныхъ условій. Возчувствовавъ слабость измѣнившейся природы своей смертные сыны вѣчности скоро познали, что дѣйствуя порознь, они не въ состояніи наслаждаться прелестными, въ жаждущей душѣ ихъ мелькавшими, лучами счастья, для котораго каждый изъ нихъ изведенъ былъ опъ небы-

шїя въ бышїе: почему, открывъ сердца свои другъ другу, они соединились, дабы соединенными силами удачнѣе приблизиться къ общей цѣли. Вотъ первоначальное побужденіе ко вступленію въ кругъ общежитїя! И здѣсь уже потребно стало, чтобъ каждый дѣйствовалъ сообразно видамъ общаго благосостоянїя; здѣсь надлежало положить и означить права для каждаго; надлежало родиться новому порядку вещей и поступковъ; словомъ: надлежало явиться взаимнымъ условїямъ или законамъ, которые и сдѣлались единожды навсегда союзомъ, душою общества.

И такъ гражданскій образъ жизни и происхожденіе законовъ суть пакія явленїя въ кругу человѣчества, кои одно безъ другаго бытъ не могутъ. Какъ скоро умосвободныя существа вступаютъ въ общество, то вмѣстѣ съ симъ они заботятся уже и объ опредѣленныхъ между собою постановленїяхъ, съ которыми бы каждый изъ нихъ соображалъ свои дѣйствїя; напрошивъ, коль скоро они презрять оныя, то связи взаимности разрываются, и общество низходитъ къ прежнему ничтожеству. Доколѣ граждане ненарушимо хранятъ законы свои, дополѣ они покоятся въ нѣдрахъ безопасности и пребываютъ могущественны. Доколѣ они свято соблюдаютъ обязанности свои и уважаютъ права другъ друга, дополѣ не померкнетъ для нихъ солнце благоденствїя, оживотворяющее нашу жизнь, украшающее наши удовольствїя, позлащающее степень нашего величїя.

И вотъ чрезъ что познается благоустроенность государствъ. Точное сообразованіе съ законами, опредѣлительныя назначающими должности и права каждому, есть неложное знаменїе блистательнаго жребїя ихъ. Тамъ существо рожденное для самовласшїя

должно покориться господствованію другаго; но тѣря нѣкоторую часть свободы своей, оно ожидаетъ вознагражденія въ неизтощимыхъ выгодахъ общежитія, Правители, приемля бразды правленія, приобретають вмѣстѣ и отличныя преимущества, облагораживающія состояніе и родъ ихъ; но на высокой степени величія они не для того поставлены, чтобъ засыпать въ нѣгѣ и безопасности, или притѣснять подвластныхъ сообразно видамъ своимъ; а для того, чтобъ охранять каждаго спокойствіе, пецись о безопасности общества, открывать вѣрные источники выгоды, устроять общее благосостояніе. Художникъ обезпеченъ въ занятіяхъ своихъ, кои доставляютъ ему средство проводить жизнь въ довольствѣ и обиліи; но онъ обязанъ участвовать въ нуждахъ государственныхъ, и въ семь случаѣ жертвовать частію приобретеній своихъ. Судія пользуется всеобщою довѣренностію и уваженіемъ: по сему онъ долженъ оправдать ожиданіе публики; онъ долженъ не боязненно изрекать глаголы правосудія, защищать невиннаго, удовлетворять обиженнаго. Земледѣль собираетъ злые классы и безбѣдно наслаждается семейственными удовольствіями: но онъ долженъ удѣлять отъ имущества своего на общественныя потребности, и тѣмъ способствовать благосостоянію гражданскому. Для отличенныхъ благороднымъ произхожденіемъ открыты пути къ славѣ и возвышенію; но они не низкими происками должны удовлетворять честолюбію своему, а заслугами отечеству и истинными личными достоинствами; должны проливать кровь, и жертвовать жизнію для общаго спокойствія. Государство есть политическое тѣло: каждый членъ онаго имѣетъ свои права, но

имѣеть и свои обязанности. И подданные и Владѣтели ихъ въ сѣмь отношеніи находятся въ равномъ положеніи.

Злощастна область, гдѣ тѣ или другіе забываютъ такую взаимность! Злощастно те государство, въ кошоромъ презирають права ближняго и своевольство отвергаетъ всякія должности; въ кошоромъ прерваны бываютъ опоры законовъ; въ кошоромъ адскій духъ неустройства мрачнымъ появленіемъ своимъ заражаетъ сердца и души! Слѣдствіемъ сихъ роковыхъ обстоятельствъ сперва бываетъ утрата единодушія и общаго согласія, которое есть одна изъ важнѣйшихъ пружинъ, движущихъ многосложную машину политическаго состава; части онаго повреждаются, и дѣйствія ихъ устраняются отъ надлежащаго назначенія; потомъ ненаказанность пороженно притѣсняетъ слабого, обращается единственно къ частнымъ цѣлямъ и, нагло отказавшись отъ опечества, предается неукротимому влеченію собственныхъ страстей, для коихъ ничего не щадитъ въ безстыдствѣ своемъ; наконецъ зарожденное, такъ сказать, симъ образомъ чудовище всеобщаго замѣшательства мгновенно возстаетъ среди необузданныхъ полу-человѣковъ, и воздвигаетъ бѣдоносное знамя разврата, безумія и возмущенія, а тогда—какихъ уже золь не испытываетъ разслабленная, удрученная держава! Бѣгутъ посибшно опшуда тишина и спокойствіе, и мѣсто ихъ заступаетъ повсемственная опасность. Спрашитса поселянинъ явиться на поляхъ своихъ; грозящее насиліе приковываетъ его ко прагу его хижины, кошорый онъ орошаетъ слезами своими. Гражданинъ шрепещетъ при одрѣ своемъ и съ опчаяніемъ внимаетъ звукамъ пораженія, на

стогнахъ свирѣпствующимъ. Толпы обезумленныхъ нахватаютъ на собственныхъ соопсичей, коихъ со-кровища опредѣляютъ въ добычу себѣ. Благія чув-ства дружбы, связи родства, долгъ признашельности все здѣсь презирается. Старцы, вельможи, царь и другъ царевъ, подпадаютъ жестокой участи — быть жертвами безразсудныхъ: дерзость срываетъ корону съ Владыки своего и — мрачная бездна ничтожества поглощаетъ обуявшее царство!

Позорище ужаснѣйшее, невѣроятное! но не напо-минаетъ ли оно намъ революціи свирѣпствовавшей въ предѣлахъ Галловъ, революціи, которая не толь-ко той державѣ, въ коей изрыгала изъ челюстей сво-ихъ хаосъ и геенну, но и цѣлой Европѣ угрожала гибелью; революціи, при возрѣнїи на которую всѣ части свѣта содрогнулись, бывъ поражены изумле-нїемъ. Ужаснѣйшее, повторяю, зрѣлище! Но шакое жребїи истребившихъ въ себѣ чувства Религїи, и за-бывшихъ Бога; шакое конецъ сильнѣйшихъ державъ, гдѣ пограны биваются олшари вѣры. И въ одномъ извергѣ безбожїе ужасно: а въ цѣломъ народѣ..... Никакой языкъ не въ силахъ описать всѣхъ бѣд-ствїй, всѣхъ возможныхъ золъ, по которымъ его без-вѣрїе проводитъ до преисподнихъ безднъ ничтоже-ства. Спрашную картину сію представляють намъ потомки Франковъ. Оставалось имъ низринуться во глубину ада: и они конечно бы, какъ прахъ, какъ дымъ, исчезли съ лица вселенной, ежели бы чудодѣй-ственное солнце вѣры, готовое уже сокрыться подъ чернымъ небосклономъ Франціи, не возвратилось, шакъ сказать, отъ запада своего; ежели бы отголо-сокъ изгоняемой, но еще зовущей Религїи, оставав-шейся въ маломъ числѣ избранныхъ Божїихъ, не

укротилъ буйнаго порыва спраспей, не удержаль стремленія волнующихся умовъ, во мракѣ непонятнаго замѣшательства изнемогшихъ, запутавшихся.

Къ щастію, рѣдкія государства доходили до подобной крайности: иначе давно бы и самый міръ не существовалъ уже; — и самый міръ; поелику Творецъ и законъ его естъ послѣднѣйшая цѣль всего, что ни существуешь. Случается, что смертные увлеченные блескомъ ложныхъ благъ свергають съ себя святое иго велѣній Божескихъ: но, бывъ изобличены гласомъ собственнаго разсудка, предаются чувствуваніямъ раскаянія, и возвращаються на путь благочестія. Было обстоятельство, что и тогда священный камень, на коемъ имѣла быть воздвигнута церковь Христова, поколебался: но горькія слезы сокрушеннаго сердца омыли пято минушнаго богоотступленія. Уклоняясь отъ путей предназначениыхъ вѣрою по естественной слабости не несродно чадамъ падшаго Адама: но попирають жертвенники, низпровергаютъ храмы обожаемаго Существа — необыкновенно! Столь глубокое врождено челоуѣку благоговѣніе къ Религій. И вотъ почему въ самыхъ бурныхъ явленіяхъ народныхъ прибѣгають къ олшарямъ, и единственнаго оставшагося средства къ прекращенію оныхъ ищуть въ воззваніи вѣры: останавливается толпа злодѣевъ въ стремленіи своемъ при имени Бога и колеблющаяся держава, освободясь отъ удручавшихъ ея потрясеній, возвращаетъ силы и могущество свое. Такъ пошущено было нѣкогда возмущеніе нашихъ Донскихъ браиноносцевъ. Во дни мятежнаго междоусобицвѣ въ отечествѣ нашемъ, когда Сарманская ачность свирѣпствовала въ столицѣ нашей, они, бывъ призваны на защищеніе оной, по-

требовали достойнаго по ихъ подвигамъ и необходимаго къ ихъ содержанію возмездія; но сокровища государственныхъ расхищены были. Въ пылкой безразсудности они грозили предательствомъ: имъ представили, вмѣсто сокровищъ, утварь храмовъ Божіихъ и — они усмыдились! — Нѣтъ ни одной націи, которая бы не была подвержена неустройствамъ, и не испытывала бы никогда оныхъ; но нѣтъ такъ же ни одного народа, который бы не имѣлъ священныхъ понятій Религіи, заключающей въ себѣ основаніе всего нравственнаго міра: послѣ сего удивительно ли, что несчастныя внутреннія волненія въ гражданскихъ обществахъ, коими иногда нѣсколько кратъ обуреваемо было величіе ихъ, не всегда оканчивались пагубнымъ изшребленіемъ оныхъ? Есть оплотъ необузданному разврату; есть подпора колеблющихся государствъ; есть Богъ и Религія!

И такъ да познають шѣ, которымъ поручена судьба цѣлыхъ милліоновъ и отъ которыхъ зависитъ благосостояніе оныхъ, да познають сколь достойна всего вниманія священная Религія; сколь превосходно ея дѣйствіе въ предотвращеніи отъ народовъ шѣхъ пагубныхъ ударовъ, кои безразсудство ихъ иногда наноситъ собственному ихъ могуществу; да познають сколь въ великой находишься зависимости отъ нея самостоятельное ихъ существованіе на ряду съ прочими поколѣніями на земномъ шарѣ. Да не прельщаются славою распространенія предѣловъ державы своей новыми завоеваніями; распространеніе и утвержденіе благочестія между гражданъ несравненно знаменитѣе по блистательнымъ онаго послѣдствіямъ. Да не устремляютъ всѣхъ помышленій своихъ на злые источники богатства и обилія народнаго:

они вмѣсто того, чтобы умножать удовольствія общешестія, могутъ даже превратиться въ смертоносный ядъ роскоши безъ твердой всеобщей расположенности всегда и во всемъ руководствоваться преданностию къ высокому Мїродержцу. Да не мечтаютъ о райскихъ плодахъ повсемственнаго просвѣщенія, изъ пристрастїя къ коему нынѣ иногда самыми священнѣйшими правилами жертвуютъ: любовь Божїя есть чистѣйшїй, отъ высоты самихъ небесъ низходящїй, свѣтъ, безъ коего всякая мудрость человѣческая есть буйство, есть мечъ въ рукахъ безумнаго. Да не останавливаются, ежели смѣю сказать, на чистотѣ самыхъ нравовъ народныхъ и совершенствѣ законовъ: Религїя есть единственное неизблемое основаніе всякой нравственности, единственный высочайшїй законъ всѣхъ и каждаго. Отъ нея-то всѣ гражданскїя постановленія получаютъ силу, твердость и совершенство, подобно какъ свѣтило ноши отъ лучезарнаго солнца заимствуетъ свѣтъ свой. Отъ Религїи получаютъ онѣ силу: ибо мы находимъ въ сердцахъ своемъ чувства долга, и исполняемъ обязанности свои потоплику, поколику есть Богъ; хранимъ предначертанїя человѣческія, поколику ощущаемъ внутрь насъ предначертанїя Божескія. Отъ нея получаютъ онѣ твердость свою: ибо пламенное наше усердіе къ нимъ питается представленїемъ той небесной награды, предъ кою никакія возмездїя мїра сего сравниться не могутъ и подкрѣпляется увѣренностию въ томъ неоплучномъ правосудїи, отъ котораго никогда и нигдѣ не укрыется смертный. Наконецъ отъ нея получаютъ онѣ совершенство свое: ибо ей одной свойственно изрекать правила въ слухъ сердца нашего гласомъ пове-

дательнымъ, между тѣмъ какъ законамъ человѣческимъ предославленъ токмо глаголь запрещенія, языкъ отрицательный: не убій, не похищай, не носи обидь — вотъ законоположеніе гражданское; храни во всякомъ случаѣ благосостояніе ближняго, благодѣпельствуй ему, подавай ему руку помощи — вотъ заповѣди Религіи. Какое безконечное различіе! Условіе взаимности токмо запрещаетъ: не нарушай учрежденій общественныхъ; а Религія предписываетъ: наблюдай въ точности всѣ предначертанія власти, и все то, что токмо совѣсть одобряешь. Какое превосходное посредствомъ одной дополненіе къ другому! Что можетъ быть спасительнѣе для обществъ человѣческихъ, какъ сила сей Религіи, которая столь верховное имѣетъ вліяніе на нравы, на законы, на благоустройство народовъ!

Щастливо, стократъ щастливо то государство, въ кошоромъ Вбра управляешь сердцами Владыкъ и народовъ! Доколѣ святыя правила ея пребудуть основаніемъ общественнаго въ немъ благоучрежденія; дополѣ сила и могущество его пребудуть непоколебимы. Въ свѣтлые дни тишины онѣ будуть предохраняшь его отъ свирѣпства страстей и разврата; въ смутное время безпокойствъ и наглаго буйства онѣ избавянь его отъ бѣдственнаго разрушенія. Таковъ предвѣчный законъ небесъ, по кошорому слѣдуетъ рядъ явленій величія народовъ во вселенной!

По крапкомъ изслѣдованіи сихъ двухъ главныхъ причинъ упадка и изтребленія гражданскихъ обществъ, изъ коихъ одна обнаруживается въ неприязненныхъ дѣйствіяхъ, въ опустошительныхъ браняхъ съ внѣшней стороны, а другая скрывается въ наг-

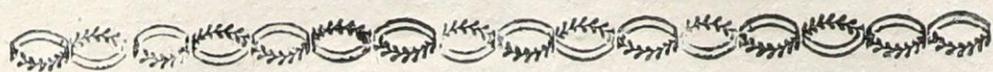
ломъ презрѣннѣ общественныхъ учреждений. въ бѣдственномъ разстройствѣ государства съ внутренней стороны, и по благоговѣннѣ, на искреннихъ сужденіяхъ основанномъ, удостовѣреннѣ, что въ обоихъ сихъ мрачныхъ случаяхъ, потрясающихъ самую сильнѣйшю державу, единственное врачевство и непреоборимая опора есть священная Религія, которая, отклоняя такимъ образомъ отъ нихъ пагубный ударъ пораженія, представляетъ въ себѣ народамъ и царствамъ единственное основаніе политической ихъ жизни и непрерывнаго могущества, по разсмотрѣннѣ, говорю, такового отношенія Религіи къ государствамъ, справедливо пожелаю въ вопросить меня въ сомнѣннѣ своемъ: разумѣю ли я здѣсь вообще Религію? — Не обвиняю отвѣтствую, что таковое, верховное, смѣю сказать, безусловное вліяніе Религіи на продолжительность и незыблемость обществъ во вселенной принадлежить той вообще Религіи, которая неизгладимыми чертами напечатлѣна въ природѣ человѣческой, которая составляетъ высочайшее отличіе богоподобныхъ твореннѣ отъ всѣхъ прочихъ произведеннѣ Всемогущаго, безъ которой не возможно даже и вообразить ни одного изъ поколѣннѣ народныхъ: но вмѣстѣ, пронцаемый огнемъ восторга, спѣшу присовокупить, сколь превосходнѣе, какъ во всѣхъ прочихъ безъ исключенія, такъ особливо въ ономъ обширнѣйшемъ отношеннѣ, небесное могущество Вѣры истинной, Вѣры Божественнѣйшей, Вѣры Христовой. Не было, нѣтъ, да и быть не можетъ ни одно общество безъ Религіи! Но что я сказала: общество. . . ? Надобно быть не человѣкомъ, чтобы не имѣть оной. Иначе что могло бы смертнымъ, носящимъ въ сердцѣ своемъ всепожирательный пламень

столь ненасытимыхъ, столь многочисленныхъ страстей, воспрепятствоватьъ, въ самыя первыя времена произхожденія ихъ, истребить другъ друга? Напротивъ съ именемъ Бога въ устахъ, единоплеменныя полагаются на связи взаимности; разноплеменные клятвою подтверждають дружественныя увѣренія свои; враждовавшіе, свидѣтельствуясь небесами, вступаютъ въ мирныя расположенія. Справедливо одинъ изъ новѣйшихъ Философовъ сказалъ: что ежели бы не было Бога, то надлежало бы выдумать Его. Но что есть Богъ невѣдомый предъ Богомъ Христіанскимъ, Религія естественная предъ вѣрою откровенія, блуждающія умствованія предъ благоданію?

Какое безпредѣльное превосходство поражаетъ насъ въ семь величественномъ созерцаніи, съ двухъ сторонъ взимаемомъ! Тамъ господствуютъ предположенія, здѣсь царствуетъ чистѣйшая истина; тамъ тѣсный кругъ священныхъ понятій раздробляется въ чувственныхъ эмблемахъ непосижимаго, здѣсь совершенная и непрерывная цѣль высокихъ разумѣній невидимаго въ видимомъ ведетъ прямо къ единому, первоначальному, неизмѣняемому источнику всякаго бытія и всякой силы; тамъ пробуждающееся чувство благоговѣнія съ великимъ напряженіемъ усиливается въ изысканіи своего непонятнаго предмета, здѣсь достойный неумолкающаго прославленія отъ всея твари и нескончаемаго восторга Серафимовъ Самъ приникаетъ къ дверямъ сердца нашего, да обрящетъ въ немъ освященный храмъ свой; тамъ человекъ приближается къ Богу, здѣсь соединяется съ Нимъ; тамъ народы не забыты въ предвѣчномъ планѣ

провидѣнія Творческаго, здѣсь они находятъ въ Немъ нѣжнѣйшую опеческую попечительность; тамъ царства земныя не бѣдствуютъ, здѣсь наслаждаются въ нѣдрахъ несравненнаго благоденствія. Христіанство вопль неизреченное, высочайшее Божіе къ роду человѣческому благодѣяніе, достойное всемогущества его! Оно-то есть истинное величіе племень земныхъ, блистательнѣйшій жребій державъ, слава престоловъ, вѣнецъ царей!

И такъ преклонимъ, въ благоговѣйномъ восторгѣ духа, колѣна наши предъ безконечною благостію Великаго Міродержца, который благоволилъ воззвать насъ отъ праха ничтожества къ бытію въ сіи благословенныя времена, озаренныя немерцаемымъ свѣтомъ откровенія; воздадимъ, во умиленіи сердца хвалу Богу нашему, который въ небесномъ предначертаніи своемъ опредѣлилъ намъ принять отъ благодѣющей десницы его жизнь въ сей странѣ чрезъ нѣсколько уже вѣковъ напаяемой священными струями истиннаго благочестія. Для насъ ничего недостаетъ болѣе къ удовлетворенію врожденной жажды бессмертнаго духа нашего, кромѣ того высокаго событія, чтобы Божественные глаголы, которые суть путь, истина и живость, проникли во всѣ концы вселенной. Отверсты намъ златыя врата въ храмъ совершеннаго благощастія: отъ насъ зависитъ направлять стремленіе силъ нашихъ къ безпрепятственному достиженію онаго; отъ насъ единственно зависитъ заслужить въ ономъ то равноподобное мѣсто, къ которому зоветъ насъ Святое Евангеліе, и которое вѣрныи въ завѣщахъ своихъ предобѣщаетъ истиннымъ послѣдователямъ Христіанства.

II. Краткое обозрѣніе начала, постепеннаго возвышенія и успѣховъ Россійской Словесности.

Студента Александра Полова.

Обращая мысленныя взоры наши на первыя начала отечественной Словесности, и проходя степени возвышенія и успѣхи, увидимъ занимательную картину произведеній оной сквозь длинный рядъ почти десяти вѣковъ. Мы увидимъ сходство разительное, что Словесность народа, равно какъ и другія познанія ума и опытности, начинается, усовершенствуется и старѣется вмѣстѣ съ бытіемъ цѣлаго народа! Эту неоспоримую истинну подтверждаетъ Исторія другихъ государствъ, равно какъ и наша собственная.

Если Поэзія есть изліяніе нашихъ чувствъ; то начало ея сливается съ началомъ народа. Славяне предки наши народъ воинственный, болѣе или менѣе смотря по обстоятельствамъ въ войнѣ упражнявшійся съ сосѣдами своими, будучи предводительствуемы начальниками изъ среды ихъ избранными, были ими поощряемы рѣчью или словомъ, которымъ вливали въ сердца ихъ храбрость спутницу побѣды; потомъ, пѣсни Богослужебныя, ибо нельзя представить народа безъ Религіи, вошъ начало Поэзіи взявши ея въ обширнѣйшемъ смыслѣ! Вошъ заря ея, покрытая со всѣхъ сторонъ черными тучами, изъ подъ которыхъ яркіе лучи ея едва простирающъ блескъ свой!

Проходя рядъ Государей отъ Рюрика, когда война, дабы утвердить предѣлы Имперіи на основаніи

незыблемомъ, была удѣломъ каждому, мы оспанавливаемся на Владиміръ Великомъ, которъй зналъ: что сколько бы сполѣтій царства ни существовали, сколько бы ни гордились могуществомъ, завоеваніями, обширностію владѣній, но естли онѣ немогли свергнуть съ себя и невѣжества, естли дѣянія ихъ неизобразились неизгладимыми чертами слова: то имя и подвиги ихъ истребятъ изъ памяти народовъ, „Владиміръ зналъ это, и его“ юное государство озарилось первыми лучами книжнаго ученія. Въ его время жиль Іоакимъ (Епископъ Новгородскій), которъй первый передалъ намъ (*) дѣянія предковъ своихъ и современниковъ; при немъ можетъ быть жиль и пошъ Бвцій Боянъ, Орфей нашъ, время котораго и до сихъ поръ еще ест невѣщенная задача.

Владиміръ, жившій въ X и въ началѣ XI столѣтій помышлялъ уже о просвѣщеніи Россіи тогда, когда вся Европа обложена была цѣпями невѣжества, когда ожесточенной Фанатизмъ, сопутствуемый суевѣріемъ и пустосвятствомъ, господствовалъ въ полной своей силѣ, когда искусство читать и писать составляли великую тайну, извѣстную одному духовенству, когда огонь просвѣщенія едва шился подъ пепломъ предразсудковъ, и то только на Восхоѣ: въ это время Владиміръ говорю хоѣлъ дарить своихъ подданныхъ свѣтомъ ученія, и въ престольномъ Кіевѣ и въ Великомъ Новгородѣ явились училища!

Естли бы время не истребило памятниковъ перваго просвѣщенія въ Россіи; то бы можетъ быть мы могли похвалиться онымъ предъ другими народами Европы. Но быстрое въ своемъ полетѣ время,

(*) Впрочемъ это еще не доказано.

сокрушающее народы и царства, и влекущее за собою во вѣкъ забвенія все ему встрѣчающееся, сокрыло отъ насъ, быть можетъ, навсегда непроницаемою завѣсою памятники перваго просвѣщенія въ Россіи.

Ярославъ I достойный сынъ Великаго Владиміра слѣдовалъ по стопамъ отца своего; переводъ Библии на Славянскій языкъ служилъ доказательствомъ тогдашняго просвѣщенія въ Россіи; жившій вскорѣ послѣ него Несторъ передалъ намъ дѣянія нашихъ предковъ.

Въ XII стол. существовали уже въ Смоленскѣ училища, гдѣ преподавали языки Греческой и Латинской; Князья наши, какъ: Михайль Владимірскій и др: говорили совершенно по Гречески и по Латыни, Константинъ Вѣлорусскій писалъ самъ, и собралъ библіотеку, въ которой однихъ Греческихъ книгъ щиталось болѣе тысячи, и пощаженный временемъ спихотворной отрывокъ: *Слово о Полку Игоревѣ*; вопль памятники уцѣлѣвшіе отъ рѣдкости времени!

Въ началѣ XIII вѣка толпы варваровъ, вышедшіе изъ Сѣвѣрозападныхъ странъ Китая, подобно бурному потоку разлившись по всей Азіи, напали и на Россію, потрясли ее со всѣхъ сторонъ и силы ихъ одержали верхъ надъ безначаліемъ и гордостію Князей удѣльныхъ. Это были Татары, народъ столько же храброй сколько и дикой, столько отважной сколько свирѣпый, котораго главный законъ: разрушать существующее, и подобно страшнѣйшей грозѣ, оставлялъ за собою слѣды опустошенія и смерти! Черныя облака раззоренія и пожаровъ понеслись надъ Россією, народъ отягченный цѣпями рабства заботился единственно о своемъ спасеніи, и колоссъ Рускаго царства, сильно потрясенный въ своемъ основаніи, гото-

вился съ одной стороны чрезъ несогласіе Князей удѣльныхъ, а съ другой чрезъ нападеніе Татаръ къ совершенному паденію, естли бы благоразумная полишка нѣкоторыхъ Великихъ Князей не поддержала его. Наглоспи завоевашелей явно почти никто не смѣлъ проповишься, и къ щастію еще Россіи побѣдители ея были не другой народъ а Татары, копорыхъ кочевая жизнь составляла какъ бы ихъ стихію; сія по жизнь ихъ препяшствовала къ совершенному порабощенію Россіи, ибо они покорили ея но не поработили. Промысль, управляющій царствами и народами въ книгѣ судьбы положилъ, чтобъ только на время зашмылась слава Россіи, дабы послѣ заблестала она свѣтомъ яснѣйшимъ, который бы изумилъ народовъ современныхъ, и потомство опдаленное! Наконецъ, протекли два столѣтія и Іоаннь III разсѣкъ мечемъ своимъ цѣпь рабства, уже ослабленную храбростію Димитрія и неустрашимостію Василія. Уже грома золотой орды потрясавшіе Россію смолкли, и прежніе побѣдители сдѣлались ея данниками!

Но Россія освобожденная отъ ига Татаръ не успѣла, такъ сказать, изцѣлится всѣхъ ранъ наносимыхъ ей въ продолженіе двухъ вѣковъ, не успѣла еще оправиться, какъ снова внутреннія смятенія и безпорядки наводнили ея кровію; она, въ одно время должна была сражаться съ крамолами внутренними, и отражать нападенія власполюбивыхъ сосѣдовъ; и Музы, любительницы тишины и спокойствія, хотѣвшія было посѣтить Россію, опять сокрылись отъ нее, и на занимающую зарю просвѣщенія опять налегли грозныя тучи. Наконецъ Мининъ и Пожарскій, удивленіе современниковъ и потомства, пылавшіе любовію къ отечеству своему спасають его.

Россія торжествуетъ, и домъ Романовыхъ украшаетъ престоль Руской!

Пройдемъ молчаніемъ времена младенчества Словесности Руской, когда просвѣщеніе раждалось только, но не было господствующимъ духомъ времени; когда языкъ нашъ не былъ еще утверждёнъ на основаніи незыблемомъ примѣрами собственныхъ писателей, когда Поэзія заключалась только въ числѣ стопъ и рѣимъ безъ всякой гармоніи, льстящей слуху и показывающей обработанность языка; короче, пройдемъ молчаніемъ первой періодъ раждающейся нашей Словесности, и остановимся на прудолюбивомъ Тредьяковскомъ, хотя въ теченіи сего времени уже славились краснорѣчіе духовное, занимались Исторією, Драммою и писали стихи. Стефанъ Яворской, Дмитрій Ростовской, Феофанъ Прокоповичъ, Гавріиль Бужинскій и др. славны были своимъ краснорѣчіемъ, К. Хилковъ написалъ Исторію, Царевна Софія сама играла съ приближенными Царедворцами Драммы и Кн. Кантеміръ переливалъ красоты Персія и Ювенала въ стихи Рускіе. Все сіе происходило во время Петра Великаго, когда Россія дѣлала исполинскіе шаги на поприщѣ славы военной и славы міра. Царствованіе сего Генія есть доказательство, что науки и Словесность любящъ благоденствіе народа!

Г. Тредьяковскій ученый, прудолюбивый, имѣя обогащенный обширными познаніями умъ, знавшій древнюю и новѣйшую Литтературу; но, безъ Генія, безъ вкуса, чувствовавшій красоты, но неспособный выражать оныя, переносилъ ихъ въ свою Поэзію и говорилъ съ Музами языкомъ нескладнымъ. Сочиненія и переводы его показываютъ, что онъ много прудился, но успѣхъ не былъ его удѣломъ. Можетъ быть

Г. Тредьяковскій собою опровергнетъ мнѣніе Бюффона, который сказалъ, что Геній есть въ высочайшей степени шерпѣніе. Словесность наша при немъ не сдѣлала впередъ ни одного шага, и нѣтъ такого рода Поэзіи, въ которомъ бы онъ достоинъ былъ подражанія!

Въ царствованіе Елисаветы когда слава Россіи утвердилась на основаніи неизблемомъ, когда исполнялись намѣренія Великаго преобразователя ея, когда все почти приняло новой видъ, новое образованіе, недоставало еще Генія, который бы полетомъ своимъ вознесся выше обыкновеннаго, постигаемаго прочими умами, постигнулъ тайны языка, и открылъ бы ихъ современникамъ, нашель бы истинный путь къ его богатству, и освѣтилъ бы его своимъ свѣтомъ; но наконецъ и сіе совершилось!

Ломоносовъ, водимый отъ нѣжнаго младенчества чудесными путями жизни, сынъ рыбака, рожденный тамъ, гдѣ природа цѣпенѣетъ отъ стужи большую половину года, показалъ, что климатъ неимѣетъ пагубнаго вліянія на развитіе дарованій (*). Знакомый съ лучшими образцами древними и новѣйшими, упоенный красотою прельстившей его Нѣмецкой Поэзіи, имѣя умъ всеобъемлющій и выше обыкновеннаго, онъ совершилъ важный подвигъ на поприщѣ Словесности: и Поэзія наша, прежде грубая, необработанная, подъ его перомъ получила все достоинство, все прелести, какія только богатый языкъ имѣть можетъ. Первый опытъ Генія Ломоносова былъ: Ода на побѣды надъ Турками и Татарами, или на взятіе Хошина

(*) Многие иностранные писатели утверждаютъ, что климатъ имѣетъ вліяніе на развитіе дарованій.

1739 написанная въ Марбургѣ и присланная имъ въ С. Петербургъ. Ода сія разсматриваемая какъ первое твореніе на языкѣ нашемъ достойна удивленія, и въ то время такъ написать возможно было только одному Ломоносову. Въ доказательство словъ моихъ я могъ бы помѣстить ее здѣсь и сравнить или съ Тредьяковскимъ или съ Кантеміромъ; но краткость обзорѣнія моего мнѣ сего не позволяетъ дѣлать, притомъ же, я увѣренъ, что всякой любитель отечественной Словесности уже знакомъ съ нею.

Изчислять подробно заслуги Ломоносова касательно наукъ и Словесности отечественной, доказывать достоинство и пользу сочиненныхъ имъ Россійской Грамматики и Риторики былъ бы излишній трудъ: довольно, кажется, упомянуть здѣсь, что всеобъемлющая сила его Генія образовала совершенно языкъ нашъ, оды его суть примѣръ, возвышеннаго, благороднаго и чистаго слога, которыя до нынѣ составляютъ превосходные образцы для подражанія; и если кто захочетъ шеперь написать оду, которая бы передала славу Сочинителя въ потомство, то онъ долженъ написать языкомъ Ломоносова! Но въ однихъ ли одахъ онъ безпримѣренъ? Труды его въ дидактическомъ и епическомъ родахъ показываютъ, что Геній его вездѣ былъ равенъ.

Въ одно почти время явился другой Геній, обратившій на себя вниманіе просвѣщенной публики, всегдашній соперникъ Ломоносова и избравшій другую стезю въ безсмертію — это былъ Сумароковъ. Между шѣмъ какъ первый возвелъ оду на высочайшую степень достоинства, послѣднему досталась въ удѣлъ Драмма; сколько первый увлекался образъ

цами Нѣмецкихъ Спихотворцовъ, столько послѣдній подражалъ Французскимъ писателямъ.

1750-й годъ—было то щастливое время для Театра нашего, когда явились съ ряду при его Трагедїи: Хоревъ, Гамлетъ, Синавъ и Труворъ; годъ сей есть эпоха преобразованія нашей Драмы! Арписона, Семира, Ярополкъ и Дамиза, Вышеславъ, Дмитрій Самозванецъ и Мстиславъ, въ теченїи немногатаго времени одна за другою вышедшіе, еще болѣе утвердили его славу и онъ названъ истиннымъ опцемъ Россійской Драмы!

Конечно, Трагедїи Сумарокова нынѣ неимѣють того достоинства, какое имѣли прежде, но чтобы дать имъ истинную цѣну; надобно мысленно перенестись въ то время, когда онѣ были написаны; т. е. когда языкъ нашъ не представлялъ ему еще достойнаго образца по этой части, когда онъ вновь долженъ былъ шворить и созидать, и когда вкусъ не подведенъ былъ подъ общія правила Эстетики.

Онъ много писалъ Басень и Сказокъ, долго славился симъ родомъ, и называемъ былъ Россійскимъ Лафоншениемъ, но нынѣ они неимѣють прежняго достоинства. Оды и Комедїи его почти забыты, ибо въ первыхъ далеко опсталь отъ Ломоносова, а въ послѣднихъ превзошли его послѣдователи,

Наконецъ взошла для щастїя Россїи на престолъ Екатерина, поистиннѣ названная Великою; въ Ея царствованїе слава нашей Словесности поровнялась съ славою военною и славою мира Россїи. Здѣсь мы увидимъ рядъ знаменитыхъ писателей, изъ коихъ каждый болѣе или менѣе способствовалъ къ возведенїю на высокую степень нашей Словесности. Здѣсь представляюща устремленному взору нашему Херасковъ,

Державинъ, Петровъ, Княжнинъ, Фонъ-Визинъ, Богдановичъ, Хемницеръ, Поповскій, Костровъ, Бобровъ, Муравьевъ, Дмишрѣевъ, Капнистъ, Карамзинъ и мн. друг.

Императрица сама любила Словесность, сама упражнялась аъ ней, и примѣръ Ея и поощренія дѣйствовали на духъ народа по Ея желанію. Многіе начали заниматься, и если не писали сами, то переводили сочиненія лучшихъ иностранныхъ авторовъ древнихъ и новѣйшихъ. Явились на Рускомъ языкѣ: Гомеръ, Мильтонъ, Юнгъ, Попе, Виргилій, Овидій, Камозэнсъ, Тассъ и мн. др. изъ которыхъ особенно достоинъ примѣчанія переводъ Кострова Иліады. Дворъ Ея старался подражать своей Великой Монархинѣ, и тогда по оды Державина и Богдановича, Душеньку, въ особенности нравившіяся Императрицѣ, всѣ почти придворные знали наизусть. Академія наша подъ предсѣдательствомъ Княгини Дашковой показала свою дѣятельность; вскорѣ явился и полный философскій Словарь языка—дѣло великихъ трудовъ и постоянныхъ усилій!

Въ то время, какъ наша Академія опредѣляла границы и богатства ошечественнаго языка, почти во всѣхъ родахъ Поэзіи являлись образцы достойные подражанія.

Державинъ, имѣя Геній столько же обширный, сколько дѣятельный, благодѣшествоваемый и поощряемый Императрицею, возвелъ лирическую Поэзію на высочайшую степень славы, на какую когда либо достигала она у другихъ просвѣщенныхъ народовъ. Соединяя въ себѣ пареніе Пиндара и Философію Горация, увлекаемый часто прихотливымъ своимъ Геніемъ, онъ забывалъ всѣ правила сего рода Поэзіи;

незаботясь о нихъ разсыпалъ красоты щедрою рукою. Въ одахъ его видимъ тошъ прелестной безпорядокъ, кошорой по словамъ Депрео есть дѣло великаго искусства (*). Пусть Французы хвалятся своимъ Малербомъ и Ж. Б. Руссо, пусть Нѣмцы превозносятся похвалами Истольтберговъ, пусть Итальянцы восхищаются Петраркомъ и Кіарберомъ, пусть Поляки удивляются своему Нарушевичу—мы имѣемъ Державина; и слѣдственно не имѣемъ причины имъ завидовать! — Оды: Богъ, Фелица, Водопадъ на переходъ чрезъ Альпы, на взятіе Измаила, на щастіе, на взятіе Варшавы, Вельможа и др. Вошь несокрушаемые памятники его славы и безсмертія! Поистинѣ онъ могъ съ Гораціемъ сказать:

„Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный,
Металловъ тверже онъ и выше пирамидъ,
Ни вихрь его, ни громъ не сломишь быстротечный

И времени полеть его не сокрушить.

„Такъ! весь я не умру: ни часть моя большая,
Ошь плѣна убѣжавъ по смерти будетъ жить,
И слава возрастетъ моя, неувядая,

Доколь Славяновъ родъ вселенна будетъ чпиль.“

Между тѣмъ какъ безсмертный Державинъ пѣлъ Бога, Фелицу и славу Россіи, пламенный Петровъ на громкой лирѣ своей прославлялъ безсмертные подвиги Задунайскаго, но Геній его уступилъ лавръ совершенства Генію нашего Пиндара!

Херасковъ такъ же писалъ Оды, хотя не въ такомъ возвышенномъ тонѣ, но за то отличаясь

(*) Chez elle (въ одѣ) un beau desordre est un effet de l'art.

Boileau. Art Poétique.

плавностію и связнымъ ходомъ мыслей. Ему предоставлено прославиться болѣе въ родѣ Эпическомъ, и еще, если не ошибаюсь, въ прозѣ. Его Россіяда, плодъ шестилѣтнихъ трудовъ, хоша не можетъ сравнѣть на ряду съ Иліадою, Енеидою и съ нѣкоторыми первоклассными Поэмами просвѣщенныхъ народовъ: по крайней мѣрѣ, твореніе сіе имѣетъ неопылемыя достоинства, и поставитъ Автора между лучшими Эпическими Спихотворцами. У него едвали можно сыскать что нибудь хоша подобное, какъ у Мильтона превозносимаго похвалами, гдѣ Ангелы имѣютъ артиллерію и сражаются пушками!!!

Владиміръ возрожденный, Чесменскій Бой — достойны пера его, и могутъ составить часть вѣнка его славы.

Прозаическая Поэма его: Кадмъ и Гармонія, которую иные сравниваютъ съ Телемакомъ Фенелона, стоить вниманія и дѣлаетъ честь Автору. Число и плавной слогъ есть одно изъ главныхъ достоинствъ ея.

Въ родѣ Горациа писалъ Оды Бобровъ, которые по словамъ одного Литтератора нашего; удачно соединяютъ съ Горацианскою силою Высочайшій Лирической слогъ, наполненный чистосердечіемъ; Таврида или лѣтній день на полуостровѣ Херсонесѣ показываетъ, что Г. Бобровъ имѣлъ пламенное воображеніе, которое слишкомъ увлекало его по своему произволению.

Лирическія сочиненія Г. Дмитріева ставятъ его наряду съ первыми нашими Лириками. Истинно можно пожалѣть, что Г. Дмитріевъ мало подали насъ по этой части. Но снесю къ вѣчной славі онъ избралъ другую, и достигъ своей цѣли. — Онъ видѣлъ

обширное поле но еще мало украшенное цвѣтами, и туда направилъ чародѣйный полетъ своего Генія; и это поле было: Басни и Сказки.

Разноцвѣтная живопись, вѣрное подражаніе натурѣ, Гармонія стиховъ, обиліе въ мысляхъ, строгой вкусъ, легкія пріятности, благородная простота украшаютъ его Басни и Сказки; кажется ничего недоставало къ возведенію на высочайшую степень совершенства сего рода Поэзіи и самыя Граціи сообщили ему шайну говорить языкомъ ихъ. Пѣсни его, примѣръ легкаго и пріятнаго слога, могутъ служить образцами сего рода Поэзіи.

Возвышенный, иногда томный, Капризность часто восхищаетъ очаровательною игрою своей лиры.

Пѣвецъ Душеньки безсмертный Богдановичъ, прославленный ею безъ всякаго ею ожиданія (*) принесъ въ даръ неувядаемой цвѣтокъ на жердвенникъ Грацій, и одна Душенька здѣлала его столько извѣстнымъ и славнымъ, что онъ неимѣлъ уже нужды въ другихъ твореніяхъ, дабы имя его ярко блистало въ потомствѣ подлѣ имени Лафонтена.

Хемницеръ гораздо удачнѣе и щастливѣе предшественника своего Сумарокова; многіе басни его и теперь почитаются превозходными, и онъ принадлежитъ къ небольшому числу образцовыхъ нашихъ писателей въ семь родѣ. Чистота языка, ровной и плавной рассказъ, и по милое простодушіе; которыми въ особенности отличаетъ Лафонтень составляющъ и его достоинства!

Княжнинъ, родственникъ Сумарокова преобразователя нашего Театра, слѣдовалъ по слѣдамъ его, и

(*) Ибо онъ часто говорилъ, что Душенька ему ничего не стоила, но Исторія навѣрно доставитъ ему извѣстность; потому, что она ему стоила многихъ трудовъ и пошу.“

едва ли не превзошеть отца нашей Драмы. Дидона, утвердившая славу дарованій Г. Княжнина, была первая его трагедія. — Одобреніе Монархини и ласковой пріемъ просвѣщенной публики придали болѣе силы творческому уму Поэта, и онъ скоро произвелъ Трагедіи: Владимірь и Ярополкъ, Тихово милосердіе, Софонизба, Рославъ и Владиссанъ. Но Поэтъ не ограничился симъ родомъ; онъ писалъ еще Комедіи и Оперы, въ которыхъ показавъ, что ему столькоже благосклонна Талія, сколько и Мельпомена.

Въ одно почти съ нимъ время прославилъ себя въ комедіи Г-нъ Фонъ Визинъ. Его Недоросль и Бригадиръ достойные пера Мольера доставили сочинителю пальму совершенства въ семь родѣ.

Если стихотворство возвысилось на высокую степень совершенства въ вѣкъ Екатерины Великой; то и проза, хотя медленнѣе шла къ своему совершенству, однакожь оказала при Ней блестящія успѣхи. Ломоносовъ, Академія наукъ, Херасковъ, Муравьевъ, очистили ее отъ Славянизма, и писали чисшимъ Россійскимъ языкомъ, но не было у насъ еще Прозы живописной. Карамзинъ, сообщилъ ей восхитительныя прелести. Онъ щастливо перенесъ краски чуждыя въ свой языкъ, и писалъ легкимъ, цвѣтущимъ и плавнымъ слогомъ. Кто безъ истиннаго удовольствія читалъ его похвальное слово Екатеринѣ Великой? Кто не восхищался Марею Посадницею? Кого не плѣняли его разныя повѣсти въ романическомъ слогѣ? Можноли умолчать здѣсь о его письмахъ Рускаго Путешественника? Карамзинъ, извѣстный теперь наиболѣе изданіемъ Россійской Исторіи, занимался и Поэзіею. Ода на освобожденіе Евро-

пы и многіе стихи въ легкомъ родѣ, даютъ ему мѣсто между извѣстнѣйшими нашими Стихотворцами.

Царствованіе Александра Кроткаго, обильное щасливими произшествіями, представляетъ занимательную картину на поприщѣ нашей Словесности. Учрежденіе Университетовъ, открытіе ученыхъ Обществъ, изданіе Журналовъ болѣе, нежели когда либо, вошь ясныя доказательства господствующаго духа времени!

Разсмотримъ нѣкоторыхъ писателей.

Востоковъ шель по слѣдамъ превосходныхъ нашихъ Лириковъ, и творенія его показываютъ, что онъ имѣеть обширное и живое воображеніе.

Нѣжный Нелединскій — Мелецкій далъ образцы пѣсень.

Пушкинъ, Шапоровъ, Вяземскій, и Кн. Долгоруковъ отличились въ легкомъ родѣ Поэзіи и особенно въ посланіяхъ.

Нещасный Озеровъ, убитый обстоятельствами своей жизни, блисталъ, но недолго, на горизонтѣ нашей Словесности. Можеть бышь Трагедія наша подъ его перомъ возвысилась бы до высочайшей точки совершенства, какъ у Французовъ и Англичанъ ешьли бы продлилась жизнь его! Кто читая творенія его не пожалѣеть, что эшотъ цвѣшокъ рано, очень рано поблекъ отъ дыханія бурныхъ вѣтровъ; ибо онъ умеръ въ самыя цвѣшущія лѣта. Четыре оставленныя имъ Трагедіи: Эдипъ въ Аѣинахъ, Димитрій Донской, Фингаль и Поликсена доказываютъ, что онъ далеко превзошелъ въ семъ родѣ Сумарокова и Княжнина.

Сапира наша болѣе возвысилась въ своемъ достоинствѣ. Какое различіе, ешьли начнемъ сличать

онья Сумарокова и нынѣшнихъ писателей! Г-нь Милоновъ заслуживаетъ вниманіе по сей часпи.

Басни и Сказки имѣють нынѣ многихъ своихъ писателей, изъ коихъ первое мѣсто занимаетъ Крыловъ; и за нимъ Измайловъ. Пльншельный разказъ, чистой, легкой слогъ и протодушіе Лафонтеня ставяшь Крылова на ряду съ Дмипріевымъ. Многіе Басни втораго превозходны. Кстапи замѣпишь здѣсь, что мы ни въ какомъ родѣ неимѣемъ столько образцовъ опличныхъ, какъ въ Басняхъ и Сказкахъ: въ нихъ мы не только поровнялись со многими просвѣщенными народами, но даже превзошли.

Наконецъ появленіе двухъ Поэтовъ на поприщѣ нашей Словесности неменьше также послужило къ преобразованію, обогащенію и возведенію на высшую степень совершенства легкой Поэзіи. Одинъ искусной подражатель красотама Нѣмецкой, другой, упоенный такъ сказапъ нѣжностію Итальянской Поэзіи, щасливо перенесли нѣжные цвѣты ихъ въ цвѣтникъ отечеслвенной; стихотворенія одного отзываются какою то пльншельною меланхоліею, стихотворенія другаго дышатъ духомъ нѣжнаго Парни и страстнаго Пешарка; одинъ-то величественный, то задумчивый, то мрачный но во всемъ изумляетъ, восхищаетъ насъ; другой-то нѣжный, то пріятный, то страстный на всегда пльняетъ, очаровываетъ. Это Жуковский и Бальюшковъ! Кто изъ нихъ превозходитъ другаго, или кому изъ нихъ отдашь преимущество? Вопросъ трудный, который развѣ рѣшилъ время. Напрасно прежде думали, будто языкъ нашъ можетъ только щасливо выражать важное, высокое, громкое, но не нѣжное и пріятное. Жуковский

и Батюшковъ дали ему иное направленіе, и успѣли столькоже, какъ превосходные писатели въ другихъ родахъ Поэзіи. Они ясно доказали, что полетъ Гениа совсѣмъ отличенъ отъ ума обыкновеннаго, ограниченнаго.

Баллада, сей родъ стихотворенія столь мало прежде обращавшій на себя вниманіе, возвысилась до возможной степени совершенства подъ перомъ Жуковскаго; красоты Поэтовъ Англійскихъ и Нѣмецкихъ щастливо соединенныя показались и на Рускомъ языкѣ красотами совершенными, единственными.

Посланія, казалось, уже причислялись къ роду усовершенному нашей Поэзіи; но Жуковскій и Батюшковъ открыли неизвѣстныя еще красоты и прелести.

Элегія имѣетъ превосходные образцы на нашемъ языкѣ. Господинъ Батюшковъ, если не ошибаюсь занимаетъ первое мѣсто между писателями сего рода Поэзіи.

Долго слышны были жалобы (въ Журналахъ), что мы переводимъ пустые романы и незначительныя повѣсти; но забыли совсѣмъ о переводахъ лучшихъ, образцовыхъ твореній другихъ народовъ; наконецъ, какъ бы услышано желаніе публики и появился въ свѣтъ переводъ Воейкова Делиевой Поэмы Сады; многіе Журналы ласкаютъ насъ приятною надеждою, что мы скоро получимъ *Виргиліевы Георгики* и *Енеиду*, *Гомерову Иліаду* и *Тасса освобожденный Іерусалимъ*; надъ первыми шрудится Воейковъ же, надъ второю Гибдичъ, а надъ прешьимъ Г Мерзляковъ. Судя по опрывкамъ разсѣяннымъ въ нѣкоторыхъ журналахъ, и по переводчикамъ, ибо каждый

изъ нихъ есть извѣстный Липперашоръ, мы смѣло можемъ сказать, что на Рускомъ языкѣ такъ же будучь говорить Гомеръ, Виргилій и Тассъ, какъ они говорили на своемъ собственномъ.

Проза наша послѣ справедливаго сужденія Г. Шишкова посвященнаго и ревностнаго любителя отечественнаго языка (*) усовершеняется подъ перомъ Жуковскаго, Батюшкова и другихъ, и естли послѣдній показываетъ превосходство въ прозѣ живописной, за то слогъ Батюшкова плавнѣе и глаже.

Мерзляковъ извѣстенъ какъ лучший прозаикъ, превосходный переводчикъ и примѣрный Ораторъ.

Теперь слѣдуетъ упомянуть здѣсь объ обществахъ болѣе или менѣе способствовавшихъ къ успѣхамъ въ нашей Словесности. Я не буду упоминать здѣсь о давно извѣстной Академіи, я умолчу такъ же о Вольномъ обществѣ Любителей наукъ и художествъ въ С. Петербургѣ, объ обществѣ Казанскомъ Любителей Отечественной Словесности и Харьковскомъ Наукъ, я скажу только здѣсь объ одномъ Московскомъ; ибо описывать каждаго изъ нихъ труды подробно не позволяють границы сего краткаго обзрѣнія.

Девять лѣтъ назадъ тому какъ получило основаніе сіе общество. Члены его суть люди извѣстные по своей учености, равно какъ и по обширнымъ познаніямъ Отечественной Словесности. Не станемъ изчислять всѣхъ, но довольно упомянуть здѣсь: Мерзлякова, Каченовскаго, Воейкова, Жуковскаго и Батюшкова. Общество сіе уже подарило насъ XVII книгами своихъ сочиненій, которыя заслуживающъ

(*) Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ Рускаго языка.

особенное вниманіе каждаго любителя Отечествен-
ной Словесности. Оно приняло на себя трудъ изда-
нія полнаго Философскаго Словаря, обращаетъ осо-
бенное вниманіе на Грамматику, и занимается объ-
ясненіемъ Синонимовъ или однознаменательныхъ словъ.
Намъ остается желать, чтобы успѣхъ увѣнчалъ ихъ
предпріятія къ чести Общества и къ славу Россій-
скаго слова!

Журналы — хранилища господствующаго вкуса
времени увеличились противъ прежняго значительно.
Мы имѣемъ теперь Журналы Литературные, Исто-
рическіе, Экономическіе, Политическіе и Статисти-
ческіе. Многіе изъ нихъ ласкаютъ насъ пріятною
надеждою, что списокъ лучшихъ нашихъ Сочините-
лей увеличится новыми именами.

Теперь заключимъ краткое обзорѣніе нашей Сло-
весности. Если мы въ столь короткое время не мог-
ли представить еще образцовъ во всѣхъ родахъ; по-
крайней мѣрѣ щасливое царствованіе АЛЕКСАНДРА
Благословеннаго можетъ ласкать насъ, что и мы ско-
ро поровняемся съ просвѣщенными народами Европы;
ибо языкъ нашъ „по словамъ Законодателя его, не
только обширностію мѣстъ, гдѣ онъ господствуетъ,
но купно и собственнымъ своимъ пространствомъ,
великъ предъ всѣми въ Европѣ. „Сильное краснорѣчіе
Цицероново, великолѣпная Virgilіева важность,
Овидіево пріятное стихосложеніе не теряютъ своего
достоинства на Россійскомъ языкѣ.“

Едва ли какой народъ представить примѣръ столь
быспраго хода Словесности къ совершенству, какъ
народъ Россійской. Кажется, будто Россія хочетъ
вознаградить за то, что долго отставала отъ дру-
гихъ современныхъ ей народовъ на стезѣ просвѣщенія.

III. О томъ, сколь необходимо познание Истории для нашего образованія.

Вольнослушающаго Самойленкова.

Человѣкъ вступая на поприще міра сего, видитъ себя окруженнымъ многочисленными предметами, о которыхъ онъ долженъ приобрести ясныя понятія, дабы удобнѣе могъ пользоваться всѣми выгодами въ жизни. Мы увѣрены въ той истинѣ, что чѣмъ болѣе имѣемъ свѣденія о вещахъ, тѣмъ болѣе можемъ содѣлать ихъ себѣ полезными. А посему мы должны стремиться къ распространенію нашихъ познаній, дабы изъ оныхъ могли извлекать для насъ полезное, и въ жизни имѣть свойственныя нашей природѣ наслажденія. Но какъ жизнь наша кратковременна, а опыты, посредствомъ которыхъ приобретающіяся познанія, безчисленны; по мы должны устремляться къ такимъ предметамъ, кои могутъ замѣнить оныя. Исторія, описывая людей въ различномъ ихъ между собою отношеніи, есть одинъ изъ обильнѣйшихъ источниковъ для нашихъ познаній. Она точнѣйшимъ образомъ замѣняетъ дѣйствіе страстей и склонностей человѣческихъ ко благу или ко вреду нашему клонящихся; и мы можемъ чрезъ знаніе оной замѣнить собственные опыты: поелику все, что ни случилось въ прошедшемъ возобновляется въ настоящемъ, съ нѣкоторыми только измѣненіями по об-

стоятельствамъ. А посему все, что находимъ въ Исторіи, можемъ примѣнять къ себѣ, и извлекаемъ изъ того дѣйствительную пользу.

Такимъ образомъ Исторія, будучи наставницею рода человѣческаго, покажетъ намъ правила, коимъ послѣдуя мы сохранимъ достоинство человѣческой природы. Она можетъ вдохнуть въ насъ сильное желаніе подражать добродѣтелямъ героевъ, толико ею превозносимыхъ. Такъ! имена Секратовъ, Сципіоновъ до тѣхъ поръ будутъ почитаться священными, доколѣ добродѣтель будетъ на землѣ уважаема. Исторія распространяетъ объ нихъ славу во всѣхъ концахъ земли, и твердитъ, что они суть истинные герои, которымъ подражать должно. Но она воздавая должныя хвалы добродѣтельнымъ, поражаетъ укоризною тѣхъ, кои соврагались со стези добродѣтели; она угрожаетъ также вѣчнымъ поношеніемъ и тѣмъ, кои послѣдуютъ примѣру прочныхъ: посему, представляя порокъ въ отвратительномъ видѣ, можетъ породить въ насъ всегдашнее стремленіе къ добродѣтели.

Но сколь обширное поле представляетъ Исторія для наблюдательнаго ума, и сколь важны шѣ истинны, которыя она намъ открываетъ? Мудрый созерцатель Исторіи въ дѣянїяхъ рода человѣческаго замѣчаетъ все, что только питаетъ его разумъ. Онъ переносится мысленно въ глубокую древность, и какъ бы дѣлается членомъ того общества, котораго пошановленїя составляютъ предметъ его изслѣдованїя; бесѣдуетъ съ героями древности, отдавленными отъ себя тысящелѣтїями, о важныхъ истиннахъ, кои служатъ для блага народовъ; восхищается благоденствїемъ государствъ, и приходитъ въ уныніе представляя себѣ постигшія ихъ нещастїя. Та-

кимъ образомъ онъ разсматриваетъ Исторію всѣхъ царствъ. Въ каждомъ находишь особливья постановленія, нравы, обычаи, добродѣтели и пороки. Потомъ приобрѣтенныя чрезъ сіе свѣденія между собою сличаешь; выводишь свои заключенія; примѣняешь оныя къ пользѣ и выгодѣ того государства, котораго онъ сочленъ.

Вотъ та несомнѣнная польза, которую предлагаетъ Исторія каждому! Она научишь насъ, что шина и спокойствіе, которыми наслаждаются подданные, суть плоды трудовъ благоразумнаго Правителя неусыпно пекущагося о благѣ своего народа. Она представляя намъ тѣ несчастія, которымъ подвергались давно исчезнувшіе народы, замѣчаешь, что оныя почти всегда происходили отъ того, когда народы слѣдовали стремленію своихъ порочныхъ страстей. Напротивъ того, они пребывали въ благоденствіи тогда, когда поступали по внушенію добродѣтели: поелику одна только добродѣтель можетъ содѣлать людей частныхъ и цѣлые народы щасливыми.

IV. О пользѣ народной исторіи относительно познаній и относительно нравовъ.

Студента Дружkevича.

Усовершенствованіе ума и воли есть единственный способъ, по которому человекъ становится тѣмъ, чѣмъ онъ быть долженъ; а слѣдовательно и единственный предметъ, достойный вниманія человека. Но путь къ сему совершенству есть путь прудный и таинственный. Должно быть Геніемъ, что бы открыть его; а таковыхъ Геніевъ рождають вѣки. Для умовъ обыкновенныхъ нужны примѣры — и примѣры очевидные, чтобы они могли по пути, проложенному уже другими, не заблуждаясь итти къ своему совершенству. Блаженъ кто щастливо достигаетъ сей цѣли. Тотъ заблуждаетъ, кто думаетъ, что условное совершенство не есть удѣлъ смертнаго. Живи, бесѣдуй съ вѣками протекшими, настоящими и пышно увѣришься въ справедливости словъ сихъ.

Полезно и сладостно вспоминать прошедшее. Человекъ по природѣ своей склоненъ къ тому, чтобы пронизать сквозь густоту мрака, коимъ время сокрыло прошедшій дѣянія опъ его любопытнаго взора: и сія склонность въ немъ такъ сильна, что ничѣмъ и никогда удовлетворена быть не можеть. Для чего дряхлые старцы, и въ то даже время, когда уже преклоняюща ко гробу, любяшь еще жизнь?

Для нихъ все перестаетъ существовать уже въ мѣрѣ чувства ихъ приступились, мѣра желаній исполнилась; почему же не насытились они жизнью? охладѣвшему сердцу осталось еще одно наслажденіе возпоминаніе прошедшаго. Мудрые не довольствуются настоящимъ: о и находятъ для себя источникъ живѣйшихъ удовольствій погружаясь въ пространнѣйшій океанъ времени. Въ непрерывной цѣпи измѣненій, составляющихъ собственную ихъ жизнь, ясно видятъ они вѣчные законы, посредствомъ коихъ Провидѣніе управляетъ дѣлами человѣческими; они удивляются и члуютъ Всесоудящаго. Но картина собственной жизни человѣка недостаточна къ тому, чтобы насытить алчное его любопытство, стремленіе къ распространенію познаній и разширенію круга дѣятельности для ума: и вотъ почему онъ обращается во глубину протекшихъ вѣковъ. Тамъ находитъ онъ пищу достойную существа мыслящаго, достойную занимать его умъ и сердце.

Такъ — картина протекшаго достойна занимать умъ и сердце человѣка! Кто сіе опровергаетъ, потъ или не читалъ Исторіи народовъ; или читалъ ее не размышляя, не стараясь изслѣдывать причины различныхъ человѣческихъ дѣйствій: и чрезъ то не старался укрѣпить свой разумъ, распространить кругъ познаній, научиться повелѣвать склоностями своего сердца, благоразумно располагать собственными дѣлами. Наблюдательный человѣкъ открываетъ ходъ просвѣщенія, наблюдаетъ: какъ цѣлыя народы изъ мрака невѣжества и грубости восходили до высочайшей степени образованности; находитъ всѣ слѣды, по коимъ блуждалъ умъ человѣческой; видитъ, какъ доходилъ до всего полезнаго, изящнаго, истиннаго, какъ обращался въ кругу покоя и дѣятельно-

сти, просвѣщенія и невѣжества; съ сожалѣніемъ при томъ примѣчаетъ, что ходъ просвѣщенія наукъ и художествъ всегда зависѣлъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, потому что совершенство или упадокъ ихъ были почти всегда не въ ихъ собственной волѣ. Нерѣдко просвѣщеннѣйшія государства съ недоумѣніемъ взирали на быстрые успѣхи въ наукахъ и художествахъ тѣхъ народовъ, кои до полѣ были ни кому неизвѣстны; нерѣдко просвѣщеннѣйшія государства по тщетныхъ усиліяхъ удержатъ себя на той степені славы просвѣщенія, на которую возвели ихъ труды безсмертныхъ Геніевъ, стремительно низвергаются въ пропасть первобытнаго своего невѣжества и грубости. Такъ нѣкогда просвѣщенная Греція, колыбель всѣхъ изящныхъ наукъ и художествъ видѣла наконецъ свой стыдъ и униженіе. Науки и художества устранившись ея политическаго паденія оставили щастливый климатъ Греціи ихъ воспитавшей; и быстрымъ полетомъ перенеслись въ щастливую страну Италіи, въ стѣны Рима — владыки всего извѣстнаго тогда свѣта, дабы тамъ освѣтитъ тронъ Октавія и потомъ опять исчезнуть подобно воздушному метеору до новаго появленія на западѣ. Весьма благо-разумно нѣкто сравнивалъ просвѣщеніе съ Сизифовымъ камнемъ, который рукою неушомимаго труженника вознесенъ будучи на верхъ высочайшей горы скатывается собственною тяжестью обратно и потомъ опять возносится. Вотъ что наблюдательный умъ находить для себя въ исторіи народовъ касательно просвѣщенія.

А тѣ трудолюбивые мужи, кои подъ защитою мудрыхъ законовъ, подъ кровомъ миролюбивыхъ Мо-

нарховъ, живутъ уединенно посвятивъ себя спокойнымъ упражненіямъ, и удалясь отъ свѣта — откуда получаютъ тонкое и точное познаніе нравовъ и обычаевъ свѣта какъ не изъ одной только исторіи свѣта? Умъ ихъ обихаетъ по большей части въ духовномъ умственномъ мірѣ; отъ чего же они лучше, нежели люди живущіе въ обществѣ знаютъ сердце человѣческое! Исторія народовъ есть для нихъ Исторія сердца. Они рѣдко занимающа пѣмъ, что столь необходимо въ кругу общежитія; отъ чего же могутъ преподавать столь мудрую и тонкую теорію всего того, что необходимо для человѣка въ общежитіи! Они не входятъ въ дѣла политическія; почему же мудрою прозорливостію часто проникаютъ, они сквозь мрачную завѣсу будущности, усматриваютъ самую даже судьбу Государствъ? Исторія народовъ представляла имъ примѣры подобныхъ обстоятельствъ, и они видѣли добрыя или худыя отъ того послѣдствія. Такъ — мудрые и удалясь отъ общества въ тишину уединенія не бывають одиноки и чужды свѣта. Обозрѣвая Исторію народовъ вступають они въ общество всего человечества, гдѣ оно представляется всегда въ истинномъ его видѣ, почему и всѣ знанія ихъ бывають точны и истинны: между пѣмъ какъ въ такъ называемомъ большомъ свѣтѣ люди всегда покрыты маскою прищворства, хитрости и обмана такъ, что и самыхъ Философовъ при всей ихъ прозорливости нерѣдко приводятъ въ заблужденіе.

Кромѣ сего Исторія народовъ, представляя намъ ихъ заблужденія, какъ бы указываетъ подводные камни, коихъ должно намъ остерегаться. Коль часто мы блуждая въ безконечномъ океанѣ сомнѣній

претерпѣвали бы кораблекрушенія, и бѣдственно погибали, еслибы Исторія подобно Фаросскому свѣтильнику сквозь грубѣйшій мракъ заблужденій древности не освѣщала узкой стези къ истиннѣ! Коль многихъ мудрецовъ слышимъ мы шамъ преподающихъ ложныя и нелѣвыя мнѣнія о Богѣ! Одни изъ нихъ претворяли Бога въ тончайшую и движущуюся матерію, въ чистѣйшій огонь или свѣтъ, изъ коихъ произтекали всѣ вещи; таковы были Халдейскіе мудрецы. Нѣкоторые изъ западныхъ, дабы понять непостижимую дѣятельность вселенныя, содѣлали Божество душою всей природы, соединя ихъ снволь тѣсно, что будто ни когда они другъ отъ друга разлучаться немогутъ. Богъ Эпикурейцевъ былъ нѣчто праздное и недѣятельное, которое не принимало намалѣйшаго участія ни въ существованіи, ни въ сохраненіи, ни въ управленіи міра; а Аристотель назвалъ его силою все приводящею въ движеніе, но неимѣющею движенія. Вотъ какъ заблуждали мудрѣйшіе изъ нихъ! Симъ ложнымъ мудрованіямъ своимъ покорили они цѣлыя народы, и были не что иное какъ слѣпыя Вожди слѣпыхъ. Взирая на столь грубыя заблужденія древнихъ мы тѣмъ яснѣе усмаприваемъ величіе и святость Христіанскія Религіи, коея спасительный свѣтъ дѣйствуя на умы наши открылъ намъ таинства столь многіе вѣки сокровенныя для міахъ даже, кои казались бытъ выше человѣчества.

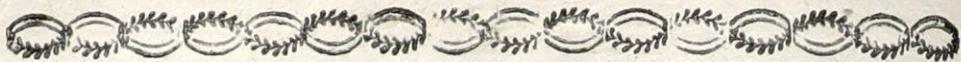
Разсмапривая съ другой стороны Исторію народовъ мы увидимъ, что польза ея и относительно нравовъ неменѣ велика. Она научаешь насъ добродѣтели, пворишь Героевъ, одушевляя ихъ сысокими примѣрами древности и безсмертною славою въ потомствѣ. Чего ищешь Герой на поляхъ брани? Ищешь

славы быть защитникомъ отечества, но за то благодарное отечество чѣмъ воздаеть ему? Величайшіе его подвиги были бы весьма малозначущи для него, если бы могли быть довольно награждены лаврами однихъ только современниковъ: лавры сїи мгновенно увядаютъ; время все истребляетъ; колоссы, пирамиды сперты и обращены въ прахъ однимъ прикосновеніемъ быстропарящихъ его крыльевъ. Героямъ нужны памятники, предъ коими благоговѣешь самое время; къ коимъ всегубительная сила его несмѣетъ коснуться. Исторія рѣзкимъ перомъ на адамантовомъ камнѣ начертываетъ имена ихъ: тогда Герои безсмертны; тогда они получаютъ то, чего искали и неспрашались тысящи смертей, казавшихся имъ не страшными призраками предстоящаго ничтожества, но благодарѣтельными провозвѣспниками безсмертія и славы. Чѣмъ прославляется достойно Монархъ отецъ народовъ, устроющій ихъ благоденствіе, жертвующій всѣмъ, даже самимъ собою для щастія подданныхъ? Мало того естъли сердца шѣхъ, на коихъ непосредственно истекали щедроты отъ престола его, будутъ ему жертвенникомъ горячей любви и благодарности; надобно чшобы позднѣйшіе потомки живо чувствуя вліяніе его благошвореній знали шомъ источникъ, изъ коего они происпекаютъ. Исторія должна возвѣститьъ грядущимъ вѣкамъ: кто былъ шомъ Монархъ благошворный, отецъ вѣрныхъ сыновъ отечества, другъ человѣчества; кто былъ шомъ властелинъ, подъ скипетромъ коего вздохи не шѣнили помной груди спрадальцевъ, коего рукою начерпанные законы были законы крошости и любви, утвержденные на самой природѣ чловѣка и служащіе ономъ невинности и добродѣтели. Исторія должна

возвѣститъ кто былъ пошь мудрый Государь, который воздвигнулъ храмъ наукъ, напоилъ жаждущихъ чадъ своихъ живыми водами просвѣщенія; кто былъ пошь Герой, которой не восхищался суетною славою, для кого миръ вождельнѣе былъ блистательнѣйшихъ завоеваній. Потомство восклицаетъ и никогда не престанетъ восклицать: да будетъ благословенна память его! Исторія всегда сохранитъ имена Титовъ, Антониновъ, Марковъ Авреліевъ, и научитъ потомство подъ сими именами всегда разумѣть благопворность, человѣколюбіе, мудрость, правосудіе, прозорливость.

Такъ человѣкъ добродѣтельный найдетъ всегда въ исторіи примѣры самые разительнѣйшіе и достойные его подражанія. На противъ того злодѣй находить тамъ ужасный для себя урокъ: Тамъ слышитъ онъ вопли проклипающіе тирановъ; тамъ видитъ онъ отвратительный образъ жизни тѣхъ, кои жили коварствомъ, хищеніями и убійствами, видитъ мучительныя заботы тѣхъ, кои неправильно собирали сокровища и созидали мнимое щастіе свое на развалинахъ другихъ, трудились лишая себя покоя, тамъ встрѣчаетъ надмѣннаго честолюбца, кто жерщвовалъ честолюбію своему благами тѣхъ, надъ которыми вознесла его воля высочайшая; того лицемѣрнаго судію, кто не оправдалъ невинности на судѣ, допускалъ злодѣянія и порокамъ укрывался ошь строгости законовъ. Время раздрало завѣсу, скрывавшую ихъ злодѣаніе. Священная истина открыла глазамъ всего свѣта и тѣ сокровенныя ихъ злодѣанія, кои они старались сокрыть ешьли бы по возможно было, ошь самихъ себя. Тамъ находить онъ и того надмѣннаго мудреца, кто суетною Философіею ослѣ-

плялъ умы слабыхъ; кто ложными мудрованіями изказилъ чистѣйшую Евангельскую истинну, коему Христіанская Философія была родствомъ и безуміемъ; тамъ увидишь Волтера, Мирабо, Гелвеція окруженныхъ толпою вольнодумцевъ и оставленныхъ всѣми благомыслящими, всѣми ревнителями истинной вѣры; услышишь: какъ гласъ всѣхъ народовъ вмѣсто того, чтобы назначать имъ первѣйшее мѣсто во храмѣ мудрости, осуждаетъ ихъ туда, куда нѣкогда Предвѣчный осудилъ всѣхъ пропившихся небесной истиной; вмѣсто безсмертія, которое они думали, назначено быть наградою ложной ихъ дѣятельности, получили презрѣніе, поноснѣйшее самаго забвенія. А тѣ Владыки и сильные земли гордо воссѣдавшіе нѣкогда на престолахъ, окруженные блистательною славою и великолѣпиемъ заслужили ли благословеніе своихъ народовъ? Что сопровождало ихъ, когда поразила ихъ рука разящая Царей и сильныхъ земли равно какъ и тѣхъ, въ чьихъ глазахъ казались они божествами? Что сопровождало ихъ къ общему мѣсту плѣнія — гробу? Стоны и вопли утѣсенныхъ; поелику они порабощая народъ подъ скипетръ желѣзный не мыслили объ его благоденствіи и объ его спокойствіи. Вотъ ужаснѣйшій урокъ для сердецъ развращенныхъ! они гораздо живѣе дѣйствуютъ нежели всѣ ошвлеченныя и безплодныя нравоченія Философовъ.

V. Понятіе о високолѣ.

Студента Трощинскаго.

Съ развитіемъ душевныхъ способностей человѣка, развивается въ немъ, такъ сказать, и расположе-ніе къ принятію впечатлѣній отъ предметовъ, дѣйствующихъ на его чувства. Сіе расположеніе тѣмъ въ большей степени обнаруживается въ немъ, чѣмъ далѣе достигаетъ онъ въ усовершенствованіи своихъ дарованій. Посему разсматривая человѣка уже образованнаго, руководимаго истиннымъ вкусомъ, силою коего онъ можетъ дать каждой вещи или каждому произведенію ума надлежащее опредѣленіе, наспоющую и дѣйствительную цѣну его, основываясь на мнѣніи ученыхъ, можно сказать, что онъ кромѣ всѣхъ Эстетическихъ предметовъ великое впечатлѣніе производящихъ на него, въ состояніи уже чувствовать, отличать и производить высокое, какъ послѣдній отличительный признакъ великаго образованія шлантовъ. Впрочемъ, опытностію дознано, что для чувствованія или для произведенія высокаго, необходимы — сильныя страсти, чувствительность, живое и быстрое воображеніе, случай, мѣсто и разныя обстоятельства. *Слѣд.* можно сказать, что ученый меланхоликъ, ученый флегматикъ не произведутъ высокаго: Si l'on n'est pas sensible, on n'est jamais sublime, говоритъ Лагарпъ — истина, доказанная опытностію. Сильная страсть, соединенная съ тонкою чувствительностію, пылокое и всеобъемлющее воображеніе, въ

порывѣ своемъ, выбравъ мѣсто, выбравъ случай и обстоятельства произвести высокое.

Приступая къ изложенію понятія о высокомъ, необходимо долженъ я руководствоваться мнѣніемъ Эстетиковъ касательно сего предмета. Его обыкновенно раздѣляютъ: на высокое въ Физической и высокое въ умственной или нравственной природѣ находящееся, или высокое, произтекающее отъ дѣйствій и слова человѣческаго,

Высокое въ Физической природѣ, дѣйствуя на чувства внѣшнія достигаетъ до внутреннихъ и производитъ въ душѣ нашей такое впечатлѣніе, что чрезъ оное безъ сопротивленія покоряемся силѣ высокаго, приходимъ въ удивленіе, отъ удивленія переходимъ въ нѣкоторое необыкновенное волненіе души, отъ сего волненія — когда мы уже видимъ торжество онаго надъ нами, — къ великому желанію постигнуть причину, почему таковой предметъ такъ сильно на насъ подѣйствовалъ? — но наше стремленіе къ открытію оной останется тщетнымъ, и только узнаемъ что причина дѣйствія высокаго, не что иное есть какъ самое высокое, котораго сила обезоруживаетъ насъ и порабощаетъ своему могуществу. Слѣдоват. при первоначальномъ вліяніи высокаго въ физической природѣ на наши чувства, мы не можемъ объяснять что оно есть и отъ чего происходитъ; ибо мгновенное его дѣйствіе такъ стремительно и сильно поражаетъ душу нашу, что мы лишаемся почти способности повелѣвать самими собою. Высокое въ физической природѣ можетъ быть или сверхъ-естественное, постигаемое только нашимъ умомъ, или естественное, которое мы усма-

приваемъ чрезъ посредство ви́шнихъ чувствъ. Сверхъ-естественное высокое есть бездна, куда разумъ нашъ не достигаетъ, но изъ созерцанія видимой природы мудро устроенной заключаетъ о бытїи онаго, или какъ говоритъ Поэтъ:

Лишь мысль къ тебѣ (къ Богу) взнесшись дер-
заетъ,

Въ своемъ величїи исчезаетъ,
Какъ въ вѣчности пропекшій мигъ.

Отъ сего происходитъ, что при всей ограниченности нашихъ понятій, но по бесконечности желаній, чѣмъ болѣе мы спремимся къ чему нибудь невозможному, чѣмъ болѣе напрягаемъ наши силы, дабы преодолѣть недостатки разума и приблизиться къ послѣднему концу желаннаго, тѣмъ болѣе отъ него удаляемся, и уставши, шакъ сказать, отъ сего труднаго поприща, втайнѣ признаемъ въ тщетности нашей выступить изъ предѣловъ, начертанныхъ природою, и должны по необходимости отказаться отъ изысканія шайнствъ, извѣстныхъ лишь всевѣдущему Творцу оныхъ. Такимъ образомъ, говоря о семъ, насъ почли бы безумными, естли бы мы предприняли доказывать начало бытїя Божїя, измѣримость всей вселенной, число всѣхъ трубами открываемыхъ намъ звѣздъ на тверди небесной, время разрушенїя природы и шому подобнаго; ибо это невозможность и можетъ опнестись къ дерзости и глупости нашей, а возможность составляетъ для шого, кто есть начало и конецъ всего сущаго. Мы только должны вѣрить, удивляться, и съ благоговѣнїемъ преклоняше колѣна наши предъ симъ Существомъ Всемогущимъ, которое произвело сїи чудеса непоспимыя уму нашему, при созерцанїи кошорыхъ мы цѣпенѣемъ и

невольно повергаемся предъ Его величіемъ. Сіе огромное мирозданіе, сія гармонія въ его устроеніи и сей вѣчно неизмѣнный порядокъ въ теченіи его раждаетъ въ насъ нѣчто удивительное, и приводитъ духъ въ необыкновенное волненіе и сіе-то состояніе называется *чувствомъ высокаго*. Такъ, еслии кого не восхищаетъ и не приводитъ въ нѣкоторый священный ужасъ созерцаніе необъятнаго пространства небснаго, безчисленными свѣтилами усѣяннаго, еслии кто не воображая, что за сими видимыми свѣтилами есть еще безконечный рядъ свѣтилъ, плавающихъ въ такой же стройности по тверди небснаой, какъ и наше солнце, за которымъ кажутся планеты въ систематическомъ порядкѣ, хладнокровно смотритъ на сіе; шопъ никогда не размышлялъ о Всемогуществѣ Божіемъ и никогда не можешь имѣть высокыхъ мыслей и чувствованій, которыя возвышаютъ другаго и возносятъ, такъ сказать, выше его существа, при созерцаніи необъятной природы.

Богъ есть первоначальный и безусловный источникъ высокаго, слѣд. и превосходное его твореніе—человѣкъ есть также высокое въ отношеніи свяпости и мудрости своего Творца. Человѣкъ обыкновенно смотритъ равнодушно на самаго себя; но еслии бы обратилъ вниманіе на то, какимъ образомъ, изъ чего и кто могъ дать первое бытіе человѣку, какая сила могла устроить такъ премудро шопъ чудесный организмъ, который составляетъ первый предметъ изумленія и какое наконецъ непостижимое Существо могло вдохнуть въ его тѣло ту искру духа невещественнаго, которому удивляемся и вмѣстѣ гордимся предъ всѣми существами, сотворенными шпою же верховною силою; шогда безъ сумнѣнія,

представляя того безначальнаго строителя толпъ чудесъ, представимъ вмѣстѣ и человѣка поставленнаго на землѣ для высокой цѣли, а потому и составляющаго предметъ высокаго. Всѣ творенія Божіи носятъ отпечатокъ Его величія; и природа, вышедшая изъ рукъ творческихъ остается неизмѣнною въ своихъ явленіяхъ; и сіи шо самыя явленія составляютъ источники, отъ куда душа наша, поражаясь дѣйствіемъ оныхъ, получаетъ чувствованія и понятіе о высокомъ. Созерцаніе бунтующихъ стихій вливаетъ въ наше сердце нѣчто ужасное и благоговѣйное, и мы, ставъ какъ бы выше самихъ себя, смотримъ съ пренебреженіемъ и нѣкоторою важностію, свойственною душамъ возвышеннымъ и могущимъ въ полной мѣрѣ принимать впечатлѣнія высокаго, на сіи чудесныя силы природы. Такъ, когда мы видимъ на мрачномъ небѣ черныя тучи, мещущія, при ужасномъ порывѣ вѣтра, громъ и молнію; когда на грозномъ семь небѣ вода и огонь смѣшавшись вмѣстѣ, представляютъ природу какъ бы разъяренною и грозящею разореніемъ; тогда мы, забывая себя, и ожидая послѣдняго удара, пренебрегаемъ, объята благоговѣйнымъ ужасомъ, и составляемъ въ самой высокой степени понятіе о Всемогуществѣ Верховнаго Владыки и вмѣстѣ о ничтожествѣ нашемъ противъ Его величія.

Или мы, взирая на бунтующее море, усматриваемъ на немъ людей въ ненадежномъ кораблѣ борющихся съ ярыми его волнами и просиявшихъ помилованія отъ раздѣванныхъ небесъ, простирая блѣдныя и пренебрегающія руки; тогда мы, будучи свидѣтели ужасной судьбы себѣ подобныхъ, принимаемъ сердечное участіе въ спасеніи сихъ жертвъ, обреченныхъ

на неизбежную гибель, душа наша лепится къ нимъ и раздѣляется сама постигшее ихъ бѣдствіе; здѣсь-то рождается въ насъ мысль о слабыхъ силахъ человека и о премудромъ законѣ Творца, положившаго какъ бы преградою къ жадности людей сію бурную стихію, которые презрѣвъ всѣ опасности и видимую смерть, вѣряютъ себя слѣпо волнамъ ея, и плывутъ желая со всѣхъ концовъ вселенной собрать богатства и упиваться роскошью.

Или мы смотримъ на мрачный лѣсъ, куда нога смертнаго приближается съ трепетомъ; или обзрѣваемъ, ставъ на возвышенномъ мѣстѣ, дикія степи; или кидаемъ взглядъ на обширный тихій Океанъ, въ пространствѣ котораго исчезаетъ взоръ нашъ; или на грозныя горы, современныя міру, поддерживающія, такъ сказать, облака, гдѣ изъ вершинъ кремнистыхъ ниспадають въ мрачную пучину кипящія водопады; то такое созерцаніе величественныхъ предметовъ погружитъ насъ въ нѣкоторую дикую, если можно такъ выразиться, меланхолію, и, возвысивъ насъ самихъ, возвыситъ наши чувствованія и мысли.

Прошедшія дѣянія людей, также производятъ великое впечатлѣніе надъ нашею душою; тѣмъ болѣе, ежели мы разсуждаемъ о суетной ихъ гордости, тщетной славѣ и забвеніи тѣхъ дѣяній и подвиговъ, которые превосходили силы человѣческой, и посредствомъ которыхъ они ужасали вселенную. Ежели воспоминаніе о раззореніяхъ, убивствахъ милліоновъ людей, кровожадности тирановъ и торжествѣ развратныхъ богачей надъ невинною бѣдностію, не составляетъ или не производитъ въ насъ *высокаго*, то какія чувствованія въ насъ родятся, когда мы какъ истинные Христіане въ цвѣтущемъ благосостояніи

нашемъ, вспомнимъ и представимъ предъ глазами кровавую картину невинно-гонимыхъ въ Римѣ Христіанъ, представимъ люшья, ежедневно приуготовляемая канн, какія только злоба въ неистовствѣмъ жуть произвешъ, представимъ эшафоты, гдѣ твердые духомъ послѣдователи Христа преклоняли невинныя выи и безъ трепета умирали при проклятіяхъ и поруганіяхъ беззаконныхъ гонителей; представимъ наконецъ непоколебимаго въ вѣрѣ Христіанина, идущаго по опредѣленію тирановъ, со своею святою. бого-вдохновенною твердоспїю противъ разъяренныхъ заѣрей, гдѣ всякая, такъ сказать, растерзанная часть тѣла взирала съ умиленіемъ на Небо и просила помилованія своимъ люшымъ врагамъ, которые съ язвительною улыбкою смотрѣли на чистую Христіанскую кровь, текущую ручьями въ стѣнахъ ужасной Арены (*). Что мы почувствуемъ, представивши се зрѣлище толико страшное? Душа наша при воспоминаніи и шеперь терзается вмѣстѣ съ прошедшими терзаніями поборниковъ Христовыхъ; участвуетъ въ мукахъ, претерпѣнныхъ невинными страдальцами и какъ бы ошдѣлившись отъ брэннаго тѣла, улыбаешь вмѣстѣ за предѣлы сего міра съ тѣми чистыми душами, которыхъ съ небесною улыбкою принимаетъ Христось при вратахъ вѣчнаго веселія и неизмѣнныхъ блаженствъ. Разсуждая о семъ, мы сами кажется содѣлываемся имъ подобными твердоспїю духа и столькожъ презираемъ жизнь, какъ тѣ истинные сыны Христовы, ожидавшіе въ Немъ одномъ настоящей жизни; а сію брэнную, употребляемую

(*) Мѣсто, гдѣ обыкновенно мученики предаваемы были смерти и гдѣ находились звѣри, служившіе орудіемъ оной.

сланнѣ Римлянамъ сказали: „подите въ Римъ и скажи въ Сенатѣ, что Марія вы нашли на развалинахъ Карфагена.“ Если бы возможно было все это зпѣ, то какія чувствованія, какія горестныя воспоманія поразили бы сердце наше? Тамъ-то воспленяся воображеніе въ порывѣ своемъ, представивъ огромную картину прошедшихъ событій во вся ясности, гнусность дѣлъ человѣческихъ, и нѣкоторыя только слабыя оппѣнки истинной добро. дѣте между тысячами беззаконныхъ, погрязшихъ въ покахъ, въ заблужденіи, но считающихъ себя любилми неизвѣстной имъ добродѣтели; тамъ-то воображеніе побудитъ насъ сказать: что прошедшее, настоящее и будущее суть при почки, на коихъ долж основываться щастіе или нещастіе жизни наше. *Прошедшее* намъ представляетъ все почти бывшеченіе дѣлъ человѣческихъ, и мы видимъ въ немъ, какъ въ зеркалѣ, ихъ состояніе, ихъ удадокъ, ихъ вышеніе и находимъ всему этому причину, котор могли бы насъ руководствовать и содѣлать способами удалить все препятствующее дѣйствительную щастію, предопредѣленному (свыше онымъ) наслаждаться по существу человѣка. *Настоящимъ* временемъ мы обыкновенно пользуемся такъ какъ оно кажетъ лучше; слѣд. требованіе страстей по слабой природѣ человѣка будеть всегда удовлетворяемо, а разнокъ здѣсь послужитъ какъ бы орудіемъ къ выборнѣхъ предметовъ, кои болѣе дѣйствуютъ на чувства. Посему мы о *будущемъ* столько же станемъ оппѣться, сколько захотимъ удовлетворитъ настоящему дѣйствию нашихъ страстей.

Впрочемъ, не удаляясь отъ главнаго предмета моего, огу сказать съ согласія опытныхъ, что ни

въ какомъ мѣстѣ, ни въ какихъ случаяхъ, душа наша такъ не возвышается, и мысли наши столь обилны и величественны не бывають, какъ на развалинахъ славою гремящаго некогда града, въ прахъ поверженнаго, и представившагося вдругъ взорамъ нашимъ.

Говоря о предметахъ физическихъ, производящихъ большее или меньшее впечатлѣнiе на наши чувства, можно назвать тѣ только высокими или лучше величественными, которые прежде нежели обратятъ на себя наше вниманiе, поражаютъ насъ и приводятъ въ такое состоянiе, во время коего, мы, не разсуждая ни о качествѣ сихъ предметовъ, ни о причинѣ дѣйствiя ихъ на насъ, прямо влечемся, и какъ бы обезоружены признавъ побѣжденными себя, покоряемся безъ сопротивленiя, чувству произведенному дѣйствiемъ таковыхъ предметовъ.

Итакъ, изложивши краткое понятiе о высокомъ въ физической природѣ, теперь слѣдуетъ сказать о высокомъ въ умственной, источникъ котораго есть человекъ, его разумъ и слово.

Что бы показать различiе между сими Эстетическими предметами находящимися въ двухъ сферахъ, надобно прежде взять во вниманiе слова: величественный и высокiй.

Величественнымъ въ природѣ называется то, что дѣйствуя на нашу душу, медленно производитъ въ ней впечатлѣнiе; слѣд. можно сказать, что все почти видимые предметы Физическiе, о которыхъ мы получаемъ понятiе посредствомъ зрѣнiя и слуха, суть величественны; но раждаютъ только въ насъ высокiя мысли.

Высокимъ же напротивъ то называется, что не шершавъ продолжительности, но вдругъ поражаетъ.

Его можно уподобить громовому удару, который мгновенно оглушает насъ, и приводишь въ онѣмѣнїе всѣ наши чувства; или молнїи, которая насъ пожигаетъ и разрушаетъ наши противодѣйствїя и сопротивленїя; или наконецъ бурѣ, которая увлекаетъ за собою все, сокрушая твердые дубы. Какъ кипящее море, котораго ярыя волны лешають по наклоненїю грозы, одна другую опережаютъ, мѣшаются, исчезаютъ: такъ наши чувства, ошъ высокаго волнуются, уничтожаютъ почти настоящую свою дѣятельность, опяшь раждаются, и наконецъ покоряясь оному, въ немъ же поглощаются и высокое тогда движеть оными по своему произволу, слѣд. ежели мое сужденїе, касательно таковыхъ предметовъ справедливо, то физическое высокое и умственное различаются по симъ двумъ словамъ: *высокій и величественный*.

Впрочемъ дѣйствїе ихъ на чувства почти одинаковы: но высокое произведенное посредствомъ мысли или слова преимуществуетъ предъ физическимъ; ибо что ближе къ нашему сердцу, то скорѣе и сильнѣе насъ поражаетъ. Силы природы хотя въ дѣйствїяхъ своихъ столько велики, что умъ нашъ при всей быстротѣ и оборотливости, представишь и начертать въ точности то, что мы усматриваемъ въ ней, никогда не можемъ; однакожь иногда стремленїе пылкаго воображенїя до того достигаетъ, что мы болѣе поражаемся подражательною картиною слова человеческого, нежели сколько самими явленїями природы. Мысль сїю подтверждаетъ Державинъ въ величественномъ описанїи Альпъ, чрезъ который переходилъ нашъ Аннибаль:

Ведешь (воинство) и нѣкая громада,
Гигантъ предъ нимъ возсталъ въ пуши,

Главой небесъ, ногами ада,
Касаяся претить ипши;
Со ребрь его шумяшь внизъ рѣки,
Предъ нимъ мелькають дни и вѣки
Какъ вокругъ волнующійся парь.
Ничто его не потрясаетъ,
Онъ громъ и бури презираетъ
Нахмурясь смотришь Сен-Готарь.

Предметъ, до котораго достигъ Поэтъ воображеніемъ самъ по себѣ въ природѣ величественъ; но если сказашь, что предъ воинствомъ, желающимъ ускорить шествіе и постигнуть неприятеля имъ преслѣдуемаго, славъ запрещаетъ ипши Гигантъ, касающійся головою неба, ногами ада и припомъ какъ сердито или съ гнѣвомъ смотришь на смертнаго, дерзающаго къ нему приближаться, представляя тѣ ужасы, которые войско должно преодолѣть для достиженія своей цѣли; тогда, безъ сумнѣнія, воодушевленная гора словомъ Генія сильнѣе насъ поразитъ и въ большей степени произведетъ у насъ высокія мысли, нежели тогда, когда мы на нее только посмотримъ. Или какъ описуетъ Воспоковъ гору Ашлантъ:

Плечами небо подпирая
Онъ спалъ на днѣ морскомъ пятой
И грудь кремнисту выставляя,
Зовешь моря на бой.

Воображеніе Поэта, представившее гору нѣкоторымъ Гигантомъ, видимо торжествуетъ надъ нашею душою.

Равно какъ невидимое нами существо Богъ, но ясно представляющееся мысленному взору нашему, вливаетъ въ насъ, при помышленіи о Немъ чувствъ

выше смертнаго, и мы въ восторгѣ, видя Его безко-
нечную мудрость и могущество, котораго ошпеча-
токъ являетъ огромная махина міро-созданія, о ли-
цетворяемъ для лучшаго понятія Его силы, и вос-
кликаемъ съ Божественнымъ псалмопѣвцовъ: „Одѣй.
„ся свѣтомъ яко ризою, простираяй Небо яко кожу:
„покрываяй водами превыспренняя своя, облаки на
„восхожденіе свое, ходяй накрылу вѣтренню: творяй
„Ангелы своя духи и слуги Своя пламень огненный,
„основаяй землю, на шверди ея: не преклонится въ
„вѣкъ вѣка. Псал. 103. стих. 2. 3. 4. 5. Сіе благо-
родство мыслей, сія возвышенность понятій, сіе не-
сравненное приличіе, только Всевышнему свойствен-
но: одѣваться свѣтомъ какъ нѣкоторою ризою, пола-
гать и преклонять облаки для восхожденія на
землю и притомъ нисходитъ на ея на крылахъ вѣтра
заставляетъ видѣть сіе невидимое Существо и съ
благоговѣніемъ повергаться предъ Его величіемъ.

Или какъ говорить Поэтъ, какъ бы напитавшись
духомъ Божественнаго Давида о Богѣ имъ внутренно
любимомъ:

Au milieu des clartés d'un feu pur et durable
Dieu mit avant le tems son trone inébranlable.
Le ciel est sous ses pieds: de mille astres divers
Le cours toujours réglé l'annonce a l'univers.
La puissance, l'amour avec intelligence,
Unis et divisés, composent son essence.
Les Saints, dans les douceurs d'une éternelle paix,
D'un torrent de plaisirs éivrés à jamais,
Pénétrés de sa gloire, et remplis de Lui même,
Adorent à l'envie sa majesté suprême.
Devant Lui sont ces Dieux, ces brûlants Seraphins,
A qui de l'univers il commet les destins. Генри. Шьен. 10.

Непостижимый сей Творецъ, какъ бы видимый симъ поэмомъ сидитъ на престолѣ, водруженномъ прежде всѣхъ временъ среди чистѣйшаго и неизмѣннаго свѣта; подъ Нимъ небеса и милліоны свѣспиль маніемъ руки Его каются въ стройности по голубой пверди и возвѣщаютъ безконечную мудрость и всеогущество Верховнаго Назидателя вселенной. Никогда нельзя сказать прошиву сердца съ такою отважностію и умиленіемъ, какъ сей Философъ, чувствующій безсмертіе души, говоритъ объ угольникахъ Божіихъ, въ нѣдрѣ котораго наслаждаются вѣчнымъ блаженствомъ. Мысли сіи по тому высоки, что онѣ заставляють душу укротить порочныя страсти и съ благоговѣніемъ мысленно взирать на тѣхъ небожителей, которые были ревностные любители святой истинны, взирать и твердо и рѣшительно слѣдовать по стопамъ ихъ, опираясь на вѣрнаго путеводаителя въ теченіи дней нашихъ — надежду, и ожидать шакъже жизни въ блаженствахъ безконечной.

Таковая картина, представляющая Бога, некакъ уже какъ безплотнаго духа, но какъ бы въ образѣ человѣческомъ верховнаго, всемогущаго Владыку мудро назидающаго порядкомъ вселенной, сильно насъ поражаетъ, и вливаетъ въ душу нашу чувствованія самыя высокія.

Отсюда слѣдуетъ, что воображеніе есть тотъ источникъ высокаго, гдѣ душа наша упоенная вліаніемъ онаго, въ немъ какъ бы утопаетъ, и увлеченная быстримъ его теченіемъ, слѣдуетъ за нимъ подобно плѣнницѣ за торжествующимъ побѣдителемъ. Сіе воображеніе, управляемое законами разсудка, тѣмъ сильнѣе на насъ дѣйствуетъ, чѣмъ ближе приближаешься къ пониманію того, къ которому обыкновенно

ныхъ талантовъ человекъ недостигаетъ, то есть: если оно возьметъ за основаніе или религію, и будетъ возвышаться къ Богу, ежели будешь утверждатьъ на предчувствіи разума.

Къ сему примѣромъ послужишь описаніе страшнаго суда Югомъ: „Небо, говоритъ онъ, потрясается, море бѣжитъ, вселенная поколебавшись въ своихъ основаніяхъ зыблется, угрожаетъ паденіемъ и погребается подъ своими развалинами. Изъ всего что было остается только Богъ, человекъ и служители небеснаго мщенія.“

Или какъ Державинъ воспламененный воображеніемъ отъ восхищенія о рожденіи Михаила въ во-споргѣ восклицаетъ:

Куда силъ грозныхъ Воевода!

Надѣвъ огнепернашый шлемъ,

На бедро лучъ, съ небесна свода,

Ты радужнымъ шечешь пучемъ?

Спустился зрю на пол-вселенну

На Павловъ и Марїинъ домъ

И къ опроку новорожденну

Ослабленнымъ приникъ лицемъ.

„Азь есмь - вѣщаль - кто равенъ Богу!

„Дитя! симъ именемъ зовись;

„Спашь браней, мира на дорогу,

„Въ доспѣхи правды облекись; и проч.

Воображеніе Поэта неудовольствовалося зрѣніемъ младенца, но какъ бы еще представился ему Архангелъ, спустившійся съ небесъ къ сему порфирородному отроку, и повелѣвающій принять божественный его образъ, его свойства и названіе — Михаилъ. Поэтъ безъ сумнѣнія насъ обманываетъ; мы увѣрены что это игра воображенія — мы истинно знаемъ,

что онъ невидѣль сего небеснаго существа, но когда же усматриваемъ таковой обманъ? тогда, когда уже Геній Державина воспоржествовалъ надъ нами и, увлекши наше воображеніе за собою, принудилъ зрѣть его въ такомъ же видѣ, въ какомъ онъ ему явился. Слѣд. это есть высокое, и при томъ высокое воображенія.

Ежели сердце есть источникъ страстей, а разумъ орудіе къ направленію оныхъ, то сердце въ отношеніи къ высокому имѣетъ преимущество предъ нимъ; но въ строгомъ смыслѣ, сіи двѣ существенныя принадлежности высокаго служатъ пособіемъ одна другой, а потому для произведенія онаго одна безъ другой и быть не могутъ. Однакожь бывають случаи, что человекъ, воспламененный сильною страстію выходитъ изъ предѣловъ разума, и тогда нѣтъ ничего для него постояннаго, нѣтъ ничего святаго: Богъ или человекъ, добродѣтель или порокъ, — для него все равно: пусть ему представляють, что не только Всевидящій, но и всѣ люди зрятъ и замѣчаютъ его поступки и дѣянія—онъ не увидитъ; пусть скажутъ ему что онъ достигая конца намѣреній своихъ попираетъ ногами прахъ отца своего или матери — онъ не услышитъ; или пусть наконецъ его увѣряють, что все противостоитъ желанію его, что шагъ впередъ,—значитъ послѣдній шагъ къ гибели—онъ не повѣритъ, и будетъ идти до тѣхъ поръ, пока не ударитъ часъ и онъ принужденнымъ себя найдетъ воскликнуть въ бѣшенствѣ подобно Дмитрію Самозванцу:

„О естли бы со мной погибла вся вселенна!“
Въ сихъ порочныхъ, какъ выражають, чувствованіяхъ, хотя впрочемъ высокихъ, не участвуешь разумъ:

страсть воспламенилась и въ буйствѣ своемъ заста-
вила его положить проклятіе на всю вселенную;
слѣд. сердцемъ побѣжденный разумъ здѣсь уступаетъ
безъ сопротивленія оному. Но совсѣмъ другое мы
находимъ въ Державинѣ: онъ, будучи упоенъ поэти-
ческимъ восторгомъ и возвышаясь мыслями къ Богу
съ благородною важностію, гордостію, и вмѣстѣ съ
униженіемъ восклицаетъ:

Я Царь, — я рабъ, — я червь, — я Богъ.
здѣсь преимуществуесть разумъ; слѣд. для произве-
денія высокаго необходимо должно участвовать по
и другое.

Но оставляя таковыя доказательства другимъ,
я долженъ только руководствоваться предположен-
нымъ моимъ намѣреніемъ, не убѣждаешь кого либо мо-
ими умозаключеніями, не говоришь ни о произхожде-
ніи высокаго, ни о различіи его отъ другихъ эсте-
тическихъ предметовъ, но собственно изложить нѣ-
которое понятіе объ ономъ. И такъ, говоря о Дер-
жавинѣ и о той высокой мысли, которую онъ такъ
красиво, но сильно выразилъ, можно сказать, что та-
ковая отважность Поэты, воодушевленнаго созерца-
ніемъ природы человѣческой вдыхаетъ въ насъ ту же
важность, поэтъ же восторгъ, которымъ онъ самъ
обладалъ, и, возвысивъ наши мысли заставляетъ ска-
зать каждому: я поставленъ на землѣ какъ царь, или
какъ нѣкоторый богъ . . . и послѣ, униживъ шакое
гордое помышленіе заставитъ назваться *рабъ и*
червь.

Поэтому справедливо сказалъ Лонгинъ: „душа на-
ша почувствовавъ истинно высокое естественнымъ
„какимъ по образомъ возвышается, и принявъ на се-
„бя нѣкоторую гордую осанку, исполняется радостію

„и щеславіемъ, какъ бы оно чувствуемо было собственнымъ ея произведеніемъ.“ Но чтобы еще лучше судить о справедливости сей мысли; то надобно только вспомнить Брута, разъяреннаго противу Секста, который былъ причиною самоубиства добродѣтельной Лукреціи, и ту его клятву, которую онъ, будучи внѣ себя, произнесъ предъ окровавленнымъ прахомъ поруганной невинности, или лучше сказать, предъ прахомъ женщины, служившей въ Римѣ образцомъ постоянства и супружеской вѣрности; „клянуся, восклицаетъ онъ, держа поднятый вверхъ окровавленный кинжалъ, клянуся сею, прежде не порочнѣйшею, теперъ же злодѣяніемъ Секста оскверненною кровію; и васъ боги! призываю въ свидѣтели; клянуся истребить огнемъ, мечемъ, или какимъ бы то ни было оружіемъ Л. Тарквинія гордаго, его жестокосердную супругу, всѣхъ его дѣшей, все его поколѣніе, и ни кому другому не дамъ опсѣль царствовать въ Римѣ.“ Таковой благородный и возвышенный духъ Брута вооружаетъ всѣхъ противъ нарушителя священныхъ правъ супружества, заставляетъ поже чувствовать, что онъ чувствовалъ, вдыхаетъ ту же страсть, которая въ немъ самомъ кипѣла и силою, такъ сказать, высокаго ведетъ единоплеменныхъ гражданъ ко исполненію великаго предпріятія.

Изъ сего мы ясно видимъ, что мысль *Доннино* безъ всякаго сумнѣнія справедлива: пусть человекъ будетъ въ обыкновенномъ положеніи, или въ тихой страсти, или же противоположно сему, но онъ услышавъ высокое вдругъ перемѣняется и принимаетъ шовъ духъ или страсть, какими оно было исполнено.

Ежели намѣреніе Оратора ихъ Поэта силою высокаго поразить насъ или изумить—поражаетъ, изумляетъ; ежели онъ хочетъ, чтобы мы радовались, или унывали—мы радуемся, мы унываемъ; или вздумаетъ привести насъ въ великій гнѣвъ — достигаемъ поже своей цѣли: словомъ, могуществу высокаго все покорно.

Впрочемъ, оставляя опытности пруды надъ симъ столь важнымъ и обильнымъ предметомъ, ограничиваюсь моимъ краткимъ показаніемъ высокаго и изысканіемъ онаго въ томъ только, далѣ чего моя опытность не простирается; и скажу въ оправданіе, есть ли разсужденіе сіе не удовлетворительно для просвѣщеннаго читателя, что краткость времени, разнообразныя и многоразличныя занятія не позволили мнѣ лучше исполнить мое предпріятіе; есть ли же и самый выборъ мыслей, названныхъ мною высокими, не составляетъ существенной принадлежности онаго, то въ защищеніе мое до позволено мнѣ будетъ сказать: что подъ именемъ высокаго я понимаю то, что, подѣйствовавъ на мое сердце и душу, не такъ какъ изящное или другой эстетическій предметъ, но такъ какъ признается всѣми законодателями Эстетики дѣйствіе онаго, увлекло мое воображеніе, принудило остановиться на немъ и послѣ изложить понятіе, внушенное имъ моему разсудку. Опытность же, сія мать истиннаго вкуса, можетъ бытъ нѣкогда, поведетъ меня прямымъ путемъ, и предохраняя отъ ошибокъ и заблужденій, наставитъ меня лучше и правильнѣе судить о шаковыхъ предметахъ.

VI. Утреннее размышленіе

О Богѣ.

Вольнослушающаго Н. Сласкаго.

Первыя движенія души моей посвящаю я тебѣ Существо непостижимое! Тебѣ! Коего премудрость начертана во всѣхъ явленіяхъ созерцаемой мною вселенной; здѣсь среди безмолвной тишины, среди открытаго зеленѣющаго поля, гдѣ всякая былинка увѣряешь въ твоемъ существованіи; гдѣ и самое невѣріе признаетъ въ Тебѣ Всемогущаго Законоположника, и гдѣ ни какія возраженія, ни какія хитрословія, не въ состояніи поколебать во мнѣ священной истины — есть Творецъ. Здѣсь невольное чувство благодарности преклоняетъ колѣна мои, и я съ удивленіемъ сердца удивляясь величію дѣлъ Твоихъ благовѣю предъ Тобою, не могши постигать Тебя въ существѣ Твоемъ, обращаю мысль мою на познаніе Тебя въ непреложныхъ законахъ природы видимой.

Что можешь быть пріятнѣе для человѣка, какъ наслаждаясь прелестями природы, видѣть вездѣ пекущейся о немъ Промыслъ; видѣть вездѣ начертанное имя Бога свѣта, и увѣряться въ бытіи Его. Куда ни обращаю взоры свои, все напоминаетъ мнѣ объ немъ, все велишь чтишь Его. Здѣсь во кругъ меня проспиряется обширная равнина, небрежною рукою раскинуша по ней прелестнѣйшая смѣсь красокъ. Тамъ во скашу возвышенныхъ пригорковъ вѣетъ прозрач-

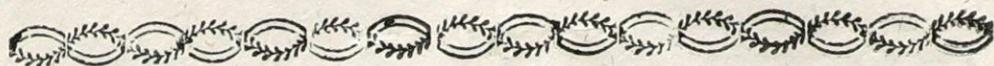
ный источникъ, отражая въ струистой поверхности своей блескъ померкающей луны. Въ нѣкоторой отдаленности представляются мнѣ величественныя горы, по ущельямъ коихъ гремитъ громъ, и блискаешь молнія возвѣщая славу Всемогущаго. Мысленно возношусь я на зубчатыя вершины ихъ, обзрѣваю необъятную поверхность земли; и какое великолѣпнѣе поражаетъ меня. Все что можетъ возбудить удивленіе; что можетъ занять воображеніе; и доставить матерію для размышленія, все сіе соединясь въ одно представляется истекающимъ изъ руки Творческой. Какія благословенія, какіе дары, украшаютъ по всюду землю. Вездѣ начертанъ источникъ жизни, душа вселенной, вездѣ зрится Богъ. Каждая былинка расцвѣтъ для предназначенной ей цѣли; составляетъ часть цѣлаго міра, и существованіемъ своимъ, означаетъ существо непостижимой воли. Соединяю ли въ воображеніи моемъ всѣ разнообразныя идеи существъ, всѣ величины и малости; то всѣ сіи совокупленныя доли, изображаютъ мнѣ не раздробленную единицу; сліянный міръ; единую черту; и единую руку Промысла. Обращаю ли взоръ свой на пространство небесъ, тамъ восходящее солнце еще болѣе поражаетъ меня изумленіемъ. Какъ величественно разливается блескъ его по поверхности лазури; какія безчисленныя благошворенія изливаются въ живительныхъ лучахъ его. О солнце! откуда заимствуешь ты сію силу, кою ошь неизмѣримой высоты эфирнаго міра проникаешь въ нѣдра земли, и оплодотворяешь оледенѣлый организмъ ея? Сколько вѣковъ освѣщаешь ты вселенную, и ни одинъ лучъ твой не остался безъ благошворнаго вліянія на природу. Не ужели источникъ свѣта твоего вѣчно не

изсякаемъ? Взирая на тебя обращаюсь мыслию и пламеннымъ сердцемъ къ Существу Тебя создавшему, и созе, даю въ тебѣ оппечашокъ Божества вѣнаго. Подобно вѣмъ повинуюсь ты гласу воззавшаго тебя изъ ничтожества, исполняешь законъ ушвердившаго тебя на зѣбкомъ сводѣ небесъ; и обпекая ежедневно н-бо, возвѣщаешь славу и бытїе Бога. Тщетно заблуждающееся невѣрїе старается проникнуть тайну дѣлъ Божїихъ, оно видитъ непреодолимую преграду покушенїямъ своимъ, и перається въ умшвенныхъ изслѣдованїяхъ своего воображенїя. Но для чего постигать не возможное, ежели укъ нашъ не восстоянїи изчислить и тѣхъ истинъ, доказывающихъ бытїе Бога, которыя открываетъ намъ природа видимая. Разсмапривая мїръ сотворенный Богомъ, порядокъ вещей, находящїйся въ мудрому устройенїи онаго; богатство земли, которая доставляетъ намъ все нужное для жизни; воздухъ, которымъ мы дышемъ, самопроизвольныя движенїя животныхъ; не истощимыя силы расщѣпнїи; которыя каждое годовое время являються предъ нами въ различныхъ видахъ. Не увѣряють ли всѣ сїи столь чудныя дѣйствїя, что онѣ ни отъ кого другаго бытъ не могутъ кромѣ Бога. Разсмапривая челоуѣка состороны организма, и видя въ немъ сїю гибкость членовъ, сопряженную тѣсною связїю съ составомъ внушреннимъ, не признаемъ ли сїе за произведенїе ума н-имьющаго предѣла, ума Божескаго. Наконецъ самая душа челоуѣка, душа, которая все понимаетъ, управляя самыми чувствами; душа, которая мыслитъ, и мыслитъ съ основательностью; душа способная къ удовольствию познанїя истины, которая можетъ изыскивать, испытывать, ошкрывать, дѣлашь заключенїе отъ видимаго о невид-

димомъ, отъ дѣйствій о причинахъ; которая по-
томъ своимъ объемлетъ небо и землю, время и вѣч-
ность, которая умѣетъ восноситься къ надеждѣ без-
смертія, которая среди тихаго уединенія, среди
глубокой ночи, умѣетъ предаваться чистѣйшей о
себѣ радости, которая чувствуетъ, что она опредѣ-
лена къ удовольствіямъ совершеннѣйшимъ; сія душа
не показываетъ ли, что начало ея истекаетъ отъ
начала вѣчнаго, не утверждаетъ ли ясно, что есть
Богъ. И самыя поступки человѣка основываются ли
на однихъ только побужденіяхъ механической силы;
и слѣдуютъ ли одному только инстинкту, подобно
прочимъ животнымъ: нѣтъ, онъ можетъ предразпо-
лагать намѣреніями своими, можетъ исполнять и
уничтожать ихъ, можетъ различать между ними
хорошее отъ худаго, слѣдуя по обдуманнѣмъ основа-
ніямъ и опытамъ; онъ способенъ къ благороднѣй-
шимъ чувствованіямъ, по которымъ спремится и
безпрестанно приближается къ высочайшему совер-
шенству. Кто же положилъ въ немъ сію отлич-
тельную черту, по которой превышаетъ онъ все,
подобно ему существующее? Богъ! говоритъ сердце
наше, и подтверждаетъ разумъ. Но какая цѣль его
была одарить человѣка сими преимущественными
свойствами? Цѣль самая святѣйшая, самая непороч-
нѣйшая, свойственная одному только Богу. Онъ не-
имѣлъ надобности творить міръ, и созидать человѣ-
ка, но единая благость и любовь содѣйствовали на-
мѣренію Его. И сія любовь предуготовивъ все, возве-
ла человѣка на высочайшую степень произведенія
своего; сдѣлала его Владыкою земли; вліяла въ него
разумъ, и все сіе для того, что бы онъ наслаждаясь
всеми благами жизни, ощущалъ благодарное сознаніе

къ Виновнику бытія своего; благоговѣль предъ Нимъ, и признавалъ его своимъ Богомъ. Слѣдовательно самая жизнь и польза человѣка основывается на вѣрѣ въ бытіе Бога. Сія вѣра, не открываетъ ли ему истиннаго пути къ достиженію блаженства? не полагаешь ли преграды заблужденіямъ, и необлегчаешь ли сердце его удрученное горестію? Какія же можемъ пріискать достаточныя причины, что бы отрицать Бога? Когда все окружающее насъ подтверждаетъ неоспоримую истинну, что Онъ есть; когда на каждомъ шагу встрѣчаемъ яснѣйшія доказательства бытія Его. Когда и самыя дикіе непросвѣщенные народы поклонялись Божеству, и почитали Бога верховнымъ правителемъ своимъ; когда весь міръ, человѣческая природа, внутреннія чувства, и самыя поступки его, ежечасно подтверждающъ, что человѣкъ съ тѣмъ созданъ, что бы вѣрить бытію Бога, ибо идея онаго рождается вмѣстѣ съ нимъ. Слѣдовательно, опровергать сію истинну, значитъ опровергать существованіе свое; заглушать всѣ свои чувства, лишать себя всѣхъ способностей, и въ образѣ человѣка являть бездушное безсмертное существо. Тщетно человѣкъ, непризнающій Бога, открываетъ глаза свои, что бы наслаждаться прелестями природы; истинное наслажденіе, производящее единственно отъ вѣры, чуждо его сердцу. Никогда не поражается слухъ его гласомъ истинны; человѣколюбіе и состраданіе никогда не входитъ въ помраченную душу его. Онъ не зная Бога, не знаетъ человѣчества. Наконецъ онъ не зная Бога, не печется о будущемъ; благороднѣйшее чувство души его, чувство возбуждающее къ раскаянію самаго жесточайшаго преступника, будучи заглушено невѣріемъ, неполагаетъ преграды стремле-

нiю страстей его. Изнемогая подъ ударами необузданной воли, теряетъ онъ совершенно всѣ достоинства чловѣка: и изъ прекраснѣйшаго творенiя Божiя представляетъ въ себѣ хаосъ смѣшенiя, неустройства и невѣрiя. Вотъ слѣдствiя сопровождающiя безразсудное невѣрiе въ бытiе Бога. Онѣ ясно доказываютъ, что чловѣкъ скорѣе можетъ опровергнуть собственное свое существованiе; обратиться въ бездушное творенiе; потерять видъ и образъ чловѣка; нежели опровергнуть сiю священную истину, что Богъ былъ — есть — и вѣчно будешь.

VII. Разсматриваніе природы ведетъ чекоевка къ мудрости и добродѣтели.

Студента Л. Короставцова.

Какое восхищительное и разнообразное зрѣлище представляетъ челоуѣку разсматриваніе природы! — Сколь долженъ быть пораженъ умъ его, если спанешъ вникать хотя въ главнѣйшія части вселенной! Повсюду чудеса непостижимыя! Воззришь ли онъ на распростертую подобно ризѣ — твердь небесную; тамъ усматриваетъ неизчислимые сонмы звѣздъ — источникъ свѣта и теплоты; вождь свѣтиль, величественное солнце шествуетъ въ великолѣпнн и спокойствіи, разливая повсюду жизнь и опраду. — Вокругъ его вращаются другіе огромные шары, и совершаютъ пути свои. — Обратишь ли взоры на обширную поверхность обитаемой имъ земли? тамъ — встрѣпятъся взорамъ его творенія не меньшаго удивленія достойныя. Здѣсь разстилаются необозримыя равнины, покрытыя въ иномъ мѣстѣ густыми лѣсами, въ другомъ одѣшныя прелестною зеленью, привлекательными цвѣтами, пересѣкаемыя тихо журчащими благошворными ручьями. — Въ другомъ мѣстѣ возносятся угрюмое чело огромныя горы, облака распоргаются они въ печеніи своемъ; вершины ихъ покрыты вѣчнымъ снѣгомъ; часто изъ ребръ ихъ испоргаются съ шумомъ быстрые потоки. — Тамъ плоскія вершины горъ, увѣнчаны цвѣтами вѣчно юными, вѣчно зелеными древами,

которыхъ цвѣты и плоды услаждаютъ чувства. — Носящійся его взоръ, оставивъ одну страну, видитъ въ другой палимыя солнечными лучами бесплодныя степи; сїи песчаные океаны, гдѣ вѣтры движутъ — и гонящъ одну, такъ сказать, раскаленную атмосферу песковъ. — Опять переносясь на другой край мїра, видитъ громады льдовъ, грозную область стужи, куда и быстрые лучи солнца едва достигаютъ, гдѣ благотворное дѣйствіе ихъ безсильно оживитъ мертвѣющую отъ холода природу. — Понесется ли на крыльяхъ воображенія шуда, гдѣ неизмѣримое пространство водъ движется, то быстрымъ и ужаснымъ волнованіемъ, то въ приливахъ и отливахъ; то грозитъ поглотить носимыя на хребтѣ своемъ корабли, отверзая имъ бездны свои; то струится тихими зефирами и являетъ на поверхности своей миллионы игривыхъ живописныхъ.

Но какъ изчислимъ неизчетныя произведенія рукъ Божіихъ въ такомъ порядкѣ, въ такомъ устройствѣ содержимыя, въ такомъ согласіи совершающія дѣйствія свои? Здѣсь все поучительно для человека; все ведетъ его къ мудрости и добродѣтели. Разсматривая устройство во всемъ, примѣчая порядокъ, въ которомъ одна вещь слѣдуетъ за другою, въ которомъ каждое созданіе идетъ по назначенному для себя пути, — и онъ можешь научишься порядку въ дѣлахъ и поступкахъ своихъ. Созерцая непрерывную дѣятельность, вѣчно производимыя дѣйствія природы, — и онъ можетъ, удостовѣрится въ необходимости трудолюбія, и дѣятельности неутомимой.

Разсматривая сїи огромности и великолѣпіе мїра, погружаясь въ глубокія размышленія о сихъ великихъ чудесахъ, — избѣжитъ суетнаго мудрованія,

удалишся отъ мечпательнаго вольнодумства, очистишь умъ свой отъ всего земнаго, научишься возноситься выше всего видимаго, научишься благоговѣть предъ Тѣмъ, Коего рука создавъ все, столь мудро все содержишь, живишь и питаешь. А такія размышленія поселившись въ душѣ его содѣлають ее чистою обителью святости. Добродѣтель въ немъ будетъ побужденіемъ великихъ подвиговъ, похвальныхъ дѣяній, благодѣтельныхъ какъ для него, такъ и для всего человѣчества.

VIII. О верховномъ благѣ человѣка.

Студента Полницкаго.

Жизнь человѣческая есть важнѣйшій предметъ для нашего размышленія. Начало ея, различныя переменны на поприщѣ міра и наконецъ самая цѣль, которая предназначена Творцемъ вселенной, суть тѣ главнѣйшія точки, съ коихъ разсмащриваніе ея особенно для насъ поучительно. Человѣкъ есть существо, въ которомъ всесвятый Богъ особенно показалъ свое всемогущество и свою благость; онъ одарилъ его разумомъ и волею, сими двумя божественными способностями, которыя весьма ясно показываютъ, что онъ имѣетъ въ себѣ нѣчто высшее, Божественное; что онъ можетъ чрезъ нихъ приближаться и соединиться съ тѣмъ первымъ всевѣчнымъ началомъ, отъ котораго все произошло. Имѣя въ себѣ впечатлѣнный образъ Божій, онъ по сему есть выше всего находящагося въ семъ мірѣ, не смотря на то, что по природѣ своей тѣлесной, имѣетъ тѣсное отношеніе ко всѣмъ предметамъ, находящимся въ ономъ.

Правда послѣ паденія перваго человѣка, родъ человѣческой совершенно былъ погруженъ въ непроницаемый мракъ невѣжества, природа его духовная совершенно была унижена, Божественный свѣтъ истинны его освѣщавшій погасъ, и Творцу, дабы возобновить падшую природу человѣка; должно было различными способами открывая себя, различными побужденіями довести его до той степени, по которой

должно ему шествовать къ достиженію перваго своего состоянія. Съ сихъ по поръ чловѣки медлѣнно начали узнавать свою цѣль, свое назначеніе, и къ нимъ стремиться. Съ сихъ поръ онъ почувствовалъ свое превосходство, и въ полной силѣ разише своихъ способностей. Это было начало нравственной его жизни. Съ сихъ поръ начала подыматься мало по малу завѣса закрывавшая путь, ведущій къ настоящей его цѣли

Такимъ образомъ чловѣкъ, какъ скоро начинаетъ въ немъ дѣйствовать разумокъ, уже составляетъ идею о чемъ то высшемъ; знаетъ, что есть нѣчто такое, для чего онъ сотворенъ; чувствуетъ природную склонность къ улучшенію своего состоянія всею добрымъ, и стремится къ тому, что могло бы составить истинное верховное его благо. Но при всѣхъ сихъ порывахъ весьма часто заблуждается, увлекаемъ будучи чувственностію, ввергаешся въ состояніе недостойное природы чловѣка.

Наблюдая внимательнымъ окомъ нравственные поступки всего чловѣческаго рода, разширивая все явленія нравственнаго міра, мы увидимъ, сколько составилось системъ, сколько постановлено правилъ, коими должно было руководствоваться въ поступкахъ, увидимъ и въ безмолвіи спанемъ удивляться, сколь далеко умъ чловѣческой можетъ простирается въ мечтаніяхъ своихъ, но и вмѣстѣ будемъ съ уваженіемъ воспоминать о шѣхъ великихъ Іеніяхъ, которые постигая Творца, природу чловѣка и его назначеніе, проникнули въ свойства сердца и души его, и сильнѣмъ, разительнымъ примѣромъ доказали, что чловѣкъ можетъ и долженъ надѣяться достигнуть верховнаго своего назначенія.

Не станемъ занимать Епикурейцами, которые
верховное благо поставляли въ щастіи; самое же
щастіе полагали въ наслажденіи чувственными удо-
вольствіями. Отвратимъ взоръ отъ новѣйшихъ же-
мудрователей—послѣдователей Гельвеція. Но не прой-
демъ въ молчаніи тѣхъ безсмертныхъ, добродѣтель-
ныхъ людей, которые въ самомъ язычествѣ показали
потомству примѣръ добродѣтели; показали, какимъ
образомъ долженъ человѣкъ располагать своими по-
ступками, какъ провождать жизнь, и къ какой стре-
миться цѣли. Таковъ былъ Сократъ. Онъ по жизнию
своею и ученіемъ доказалъ, что человѣкъ можетъ
посредствомъ добродѣтельной жизни быть суще-
ствомъ, достойнымъ безсмертія. Сему училъ Платонъ
знаменитый ученикъ его. Они то и въ мрачныя вре-
мена язычества, разогнавъ пьму, покрывавшую чело-
вѣчество, и руководствуясь свѣтомъ истинны, по-
казали отношеніе человѣка къ Богу и научили зави-
симости отъ Бога. Это были великіе Феномены дре-
вности, ещо были люди, которыхъ самое позднѣйшее
потомство прославлять будетъ. Но сколько ни ка-
жущся основательными ихъ мнѣнія; однако они весь-
ма еще далеко были отъ того, чтобы показать че-
ловѣку истинную его цѣль, его назначеніе, верховное
его благо, пока наконецъ Спаситель рода человѣче-
скаго ученіемъ своимъ и собственнымъ примѣромъ,
жизнію и смертію не указалъ намъ не только пути,
но и средства къ достиженію Божественныхъ сихъ
благъ. Съ сего времени нравственность получила со-
вершенно другое направленіе. Что въ жалкія вре-
мена язычества почиталось иногда за величайшую
добродѣтель, то въ наши времена озаренныя свѣтомъ
Евангелія, принимается совершенно противнымъ при-

родѣ человѣка. Нравственная жизнь, основанная на Христiянскомъ ученiи, составляетъ верхъ человѣческаго блаженства. Ибо Христосъ, сынъ Божiй, принявшiй на себя человѣчество, Божественное свое ученiе основалъ на небесныхъ, вѣчныхъ, непремѣняемыхъ истиннахъ, и доказалъ, что всѣ дѣла человѣка не иначе могутъ быть достойными природы его, какъ только въ отношенiи къ Богу; ибо Богъ есть истинное начало всякой нравственности.

Такъ какъ начало нравственности есть Богъ; то ясно можно видѣть, что нѣтъ другаго сильнѣе, нѣтъ вѣрнѣе побужденiя для нравственной жизни, какъ только чистая любовь къ Богу. Съ сею любовью неразрывно соединено блаженство человѣка. Что бы быть совершенно блаженнымъ, необходимо должно быть внутренне спокойнымъ, всегда довольнымъ своею участью, и наслаждаться бодростiю духа. На сихъ трехъ принадлежностяхъ блаженной жизни основывается истинное щастiе человѣка. Ибо когда онъ разсматриваетъ нравственные свои поступки и не находитъ въ нихъ ничего противнаго законамъ истинной нравственности; то въ семъ состоянiи своей души находитъ удовольствiе, котораго никакая сила бѣдствiй уничтожить не можетъ. При высокомъ чувствѣ невинности ничего не боится, все переноситъ мужественно, и хотя бы и самыя жестокiе удары нещастiя падали на главу его, то и тогда въ надеждѣ достиженiя лучшей участи, естъли не въ сей, то покрайнѣй мѣрѣ въ будущей жизни, оспается всегда спокойнымъ: между тѣмъ какъ входя въ самаго себя человѣкъ видить, что образъ его поступковъ противенъ нравственнымъ его обязанностямъ,

не можешь ни коимъ образомъ не чувствовать нікошорой досады и презрѣнія къ самому себѣ; совѣсть его, сей строгій судія дѣяній человѣческихъ, беспре-спанно его мучилъ; и злодѣянія, содѣланныя имъ, пред-спавляются ему подобно фуріямъ, терзающимъ его сердце.

Добродѣтельный человѣкъ, наслаждающійся спо-койствіемъ, всегда бываетъ доволенъ своею участію; ибо поступая сообразно божественнымъ законамъ, онъ равнодушно взираетъ на блага, доставляемая фортуною, такъ какъ на скоропреходящія, тлѣнныя; одну добродѣтель почитаетъ выше всего и въ твер-домъ увѣреніи, что безъ нее все прочее бываетъ без-полезно, или польза онаго слишкомъ крайковремен-ная; не возмущается никакою скорбію, никакимъ страхомъ и никакимъ желаніемъ. Богъ, Религія со-ставляютъ его упованіе. Человѣкъ внутренно спо-койный, довольный своею участію, безъ сомнѣнія быва-етъ и духомъ бодръ; ибо бодрость духа происко-дитъ отъ сихъ самыхъ причинъ. Чрезъ такіе нрав-ственные Христіанскіе поступки человѣкъ увѣряетъ въ собственномъ достоинствѣ, достигаетъ блажен-наго состоянія; чрезъ нихъ обнаруживаетъ чистую любовь къ Богу. Любовь къ Богу есть верховная обя-занность человѣка, и слѣдовательно Богъ верховное его благо. По сему человѣкъ тогда только достига-етъ верховнаго своего блага, когда познавъ Бога, воз-любитъ его всемъ сердцемъ и всею душою. Подлин-но—кто познаетъ Бога и чье сердце воспламеняется живою любовію къ Нему; для того вся вселенная есть ничто иное какъ зеркало божества, всѣ судьбы человѣка воля Божія, и ходъ жизни cadaго смерт-наго веденіе Божіе. Тошъ съ равнодушіемъ взираетъ

на всѣ скоропреходящія, плѣнныя земныя блага и стремится къ высшимъ, непремѣняемымъ — вѣчнымъ. Верховный законъ его есть: люби Бога болѣе всего, и ближняго какъ самаго себя.

И такъ истинное верховное благо челоуѣка есть Существо святѣйшее, всемогущее Богъ, который по С. Писанію называется единъ благъ. По сему онъ долженъ всѣ свои поступки всѣ дѣла и помышленія начинать отъ Бога и оныя къ нему относить. Въ наши щастливыя времена, когда просвѣщеніе, озаряемое свѣтомъ Евангелія, достигаетъ высшей степени совершенства, когда величайшая часть людей основываясь на правилахъ истинной Христіанской Религіи, живетъ согласно ея повелѣніямъ, и дѣла свои совершаетъ по божественному гласу Евангелія, не страшась вліянія мірскихъ страстей, руководствуясь страхомъ Божіимъ, который по Священному Писанію называется началомъ премудрости, люди болѣе и болѣе утверждаютъ въ нравственности, и приближаются къ своему высокому назначенію, имѣя въ виду оное верховное благо Бога, подающа всѣхъ благъ истинныхъ — небесныхъ.

IX. Безсмертіе души, доказываемое желаніемъ счастья въ человѣкѣ.

(Переводъ изъ Шатобріана.)

Студента Н. Корсуна.

Если бы не было другихъ доказательствъ бытія Божія, кромѣ чудесъ природы, то и сіи доказательства столь сильны, что были бы достаточны убѣдить всякаго человѣка, единственно ищущаго истины. Но еслии отрицающіе Провидѣніе не могутъ безъ него объяснить чудесъ творенія, то имъ еще труднѣе отвѣчать на опроверженія собственнаго ихъ сердца. Не признавая существа Верховнаго, они должны отказаться отъ другой жизни; а между тѣмъ душа ихъ не даетъ имъ покоя; она всечасно является предъ ними и заставляешь ихъ, вопреки ихъ софизмамъ, признавать ея бытіе и ея безсмертіе.

Пусть скажутъ намъ во-первыхъ: если душа угасаетъ во гробѣ, то отъ чего рождается сіе желаніе счастья, ихъ безпрестанно тревожащее; Всѣ наши страсти и здѣсь могутъ быть довольно насыщены: любовь, гордость, гнѣвъ имѣють всю полную наслажденія; одна только потребность счастья остается какъ безъ удовлетворенія, такъ и безъ предмета; ибо не постигаютъ, въ чемъ состоятъ то счастье, коего не понимая желаютъ. Надобно признаться, что еслии бы душа наша была смертна, то жизнь человѣческая не имѣла бы надлежащей цѣли.

Извѣстно, что душа наша всегда требуетъ новаго: не успѣваетъ достигнуть она до предмѣта самыхъ сильныхъ своихъ желаній, и требуетъ уже опять другаго; вся вселенная ее не удовлетворяетъ. Безконечность есть единственное поприще, ей приличествующее: она любитъ теряться въ числахъ, воображать самыя большія какъ и самыя малыя измѣренія, умножать до безконечности. Наконецъ наполненная, но не насыщенная всѣмъ конечнымъ, она бросается на лоно Бога, въ коемъ погружаются всѣ идеи безконечнаго, въ совершенствѣ во времени и въ пространствѣ. Но она потоплику погружается въ Богѣ, доколикъ сѣ божество въ сущности своей непостижимо, *Deus absconditus*. Если бы душа могла его обнять, то она бы его признала за существо ограниченное, такъ какъ и всѣ прочія вещи, кои она объемлетъ. Можно сказать, что это было бы и не безъ причины: ибо если бы душа могла объяснить себѣ совершенно вѣчное начало; то она была бы покрайней мѣрѣ на равнѣ съ нимъ. Духовныя существа не то, что существа физическія: человѣкъ можетъ понимать въ чемъ состоитъ могущество Государя и не будучи Государемъ; но человѣкъ, которой бы позналъ, что есть Богъ въ сущности Своей, былъ бы самъ Богъ.

Животныя во все не ощущаютъ той надежды, которую обнаруживаетъ сердце человѣческое; они тотчасъ достигаютъ крайней степени своего наслажденія: нѣсколько листковъ травы удовлетворяютъ овцу, нѣкоторое количество извѣстной пищи насыщаютъ тигра. Если бы утверждать, согласно съ нѣкоторыми Философами, что одно только различное образованіе органовъ составляетъ всю разни-

ду между нами и безсловесными; то бы надлежало допустить сіе умствование только въ дѣйствіяхъ собственно матеріальныхъ. Но къ чему служить рука моя для моей мысли, когда я въ тишинѣ ночи, пропекаю всѣ сіи пространства, что бы находить въ нихъ учредителя подобныхъ міровъ? Почему же воля того не дѣлаетъ, что я? Для него довольно своихъ глазъ; и если бы онъ имѣлъ мои ноги или мои руки, то онъ были бы ему для сего совершенно бесполезны. Онъ могъ бы, легши на правѣ, подымать къ небу свою голову и мычаніемъ своимъ призывать Существо верховное, наполняющее сіе пространство. Но онъ предпочитаетъ сему праву имъ попираемую; и между тѣмъ какъ сіи милліоны солнцевъ, явственныя свидѣтельства Божества, находяща на высотѣ небесной, сіе животное покойно засыпаетъ, ни мало не заботясь, что и оно, съ чуднымъ своимъ инстинктомъ, повержено у дерева, подъ коимъ покоится, какъ маленькое доказательство божественнаго разума.

И такъ единственное созданіе, которое ищетъ чего-то внѣ себя, и не есть само по себѣ цѣлое—есть человекъ. Говорятъ, что простой народъ не имѣетъ сего таинственнаго исканія; конечно, онъ счастливѣе насъ; ибо тяжостныя труды не даютъ усиливаться въ немъ желаніямъ; онъ утоляетъ попомъ своимъ жажду счастья. Но когда вы видите его изнуряющагося шесть дней въ недѣль, дабы вкусить нѣсколько покоя въ седьмой; когда безпрестанно ожидая покоя, и не находя его нигдѣ, онъ достигаетъ наконецъ смерти не преставая желать: скажете ли, что онъ не раздѣляетъ таинственнаго стремленія всего человечества къ неизвѣстному лучшему состоянію? Если скажутъ, что сіе желаніе ограничивается для

него одними только земными вещами, то ничего не можетъ быть несправедливѣе этого: дайте человѣку самому бѣдному всѣ сокровища мѣра, прекратите труды его, удовлетворите его нужды; и вы увидите, что прежде нежели пройдутъ немногіе мѣсяцы, онъ предастся новымъ желаніямъ и надеждѣ.

И такъ, если нельзя отрицать, что человѣкъ надеется до гроба; если справедливо то, что всѣ земныя блага, не удовлетворяя желаній нашихъ, расширяютъ токмо душу нашу и увеличиваютъ пустоту ея: то изъ сего слѣдуетъ заключить, что есть нѣчто высшее времени. „Узы мѣра сего, говоритъ Св. Августинъ, имѣютъ непріятность истинную, удовольствіе ложное; скорби вѣрныя и радости невѣрныя; труды тягостные и отдохновеніе непокойное, блага бѣдственные и надежду счастья щещную:“ (*) Но ни мало не жалуясь на то, что желаніе счастья поселено въ семь мѣрѣ, а предметъ его въ другомъ, подивимся въ этомъ благости Творца. Поелику рано или поздно надлежитъ оставить жизнь, то провидѣніе поселило по ту сторону гроба истинный предметъ желаній, насъ къ себѣ влекущій.

Нѣтъ нравственности, если нѣтъ другой жизни. Доказательство безсмертія души, извлеченное изъ почтенія людей къ гробницамъ.

Нравственность есть основаніе общежитія; но если все въ насъ матерія, то нѣтъ собственно ни порока, ни добродѣтели, а слѣдовательно и никакой

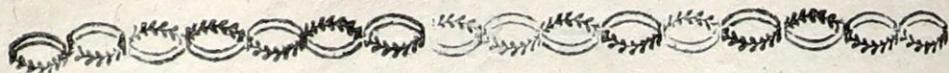
(*) Vincula hujus mundi asperitatem habet veram, jucunditatem falsam: certum dolorem, incertam voluptatem: durum laborem, timidam quietem: rem plenam miseriae, spem beatitudinis inanem.

нравственности. Наши законы всегда *относительные* и *измѣняющіеся* не могутъ служить ни малѣйшею опорой для нравственности *неотносительной* и *неизмѣняемой*; и такъ надобно, что бы она имѣла источникъ свой въ мірѣ духовномъ, и надежнѣйшую поруку, нежели сіи награды временныя и сіи наказанія преходящія. Нѣкоторые Философы думали, что Религія *выдуманна*, чтобы поддержать нравственность; но они не замѣтили, что принимаютъ дѣйствіе за причину. Религія не произтекаетъ изъ нравственности, но нравственность рождается отъ Религіи; ибо нравственность не можешь имѣть начала своего въ челоуѣкѣ только *Физическомъ* или *матеріальномъ*; ибо люди, перяющіе страхъ Божій, предаются всѣмъ крайностямъ порока, не смотря на законы и наказанія.

Религія, хотѣвшая возвыситься на развалинахъ Христіанской Религіи и считавшая, что произведетъ нѣчто лучшее Евангелія, ввела въ наши церкви сіе правило, взятое изъ десяти заповѣдей: *чти отца твоего и мать твою*. Но почему же Теофилаптропы оставили послѣднія строки сея Заповѣди: *и долголѣтень будешь на земли*? Потому, что тайное чувство безсилія нашего научило ихъ, что люди не имѣя ничего, и ничего дать не могутъ. Какъ могъ бы обѣщать многіе годы тому, кто не увѣренъ въ двухъ минушахъ своего бытія? Ты подаешь мнѣ даръ жизни, сказали бы ему справедливо, и между тѣмъ ты самъ падаешь во прахъ? Какъ Егова, ты обѣщаешь мнѣ долгое бытіе, но имѣешь ли, подобно Ему, вѣчность, чтобы изъ нее почерпать для меня дни? Безумецъ! самое мгновеніе швоей жизни — не швое; швоя одна шолько смерть; что подашь ты мнѣ изъ

глубины твоей могилы, кромѣ ничтожества, для вознагражденія моей добродѣтели?

Наконецъ есть еще другое доказательство бессмертія души, на которомъ должно остановиться: это почтеніе людей къ гробницамъ. Оно показываетъ, какую непобѣдимую прелестію жизнь сопряжена съ смертію; въ немъ видно, сколь превосходнѣе естество человека прочаго творенія, и какое его высокое назначеніе. Безсловесное знаешь ли могилу и заботишься ли о прахѣ, въ ней сокрытомъ? Трогаютъ ли его мерные кости его отца, даже знаешь ли оно отца своего, когда прошли первые нужды его дѣшства? Откуда же въ насъ сія всеильная мысль о кончинѣ? Нѣсколько зернь праха заслуживали ли бы отъ насъ сіи почести? Нѣтъ, конечно: мы чтимъ прахъ отцевъ нашихъ, ибо таинственный гласъ вѣщаетъ намъ, что не все угасло въ нихъ. Вотъ, что освящало церемоніи погребательныя у всѣхъ народахъ вселенныя: всѣ равномерно увѣрены, что сонъ непродолжителенъ и въ могилѣ, и что смерть есть не что иное, какъ только славное преобразованіе.

Х. Утренняя пѣснь Богу.

(Подражаніе Осѣану.)

Студента Петровскаго.

Внуши Природа пѣснь — къ Творцу благоговенью!
Возвысь мой слабой гласъ, спремящійся къ Нему
Изъ глубины души! пой Богу моему
Вся тварь хвалебну пѣснь — ты рукъ Его творенье!
Предъ мной является въ величїи своемъ
Непостижимая безмѣрность мірозданья,
Гдѣ тысячи міровъ въ своемъ существованьи,
Въ своемъ теченїи благовѣстять о Немъ.
Пространный горизонтъ! Ты поражаешь взоръ:
Сливаясь въ далекъ со твердью голубою,
Вмѣщаешь бездну водъ, сомкнуту цѣпью горъ,
И ручейки, и лугъ опрысканный росю,
И скромный видъ долинь спустившихся съ холмовъ:
Все удивительно и все непостижимо!!
Ты небо надо мной, простерто какъ покровъ,
Гдѣ ты кончаешься? Но ты неизмѣримо
И тщетно слабой взоръ спремится въ высоту:
Онъ упомляется теряясь въ отдаленїи.
Ты тихо, но въ тебѣ гроза въ свою чреду
Гремишь, перестаетъ и все въ своемъ строенїи
Къ извѣстному концу съ покорностью печеть.
Ты Солнце пламенно! съ какимъ челомъ вступаешь
На горизонтъ земли? Какой чистѣйшей свѣтъ,
Неугасаемый по всюду разливаешь
Какъ вѣкій дивный Богъ шечешь по небесамъ,

Го
Н
П
С
Н
И
И
Ч

О
Е
В
В
П
И
Т
Т
Ч
И
Ч
К
И
В
С
В
С
А
Н
Д
И
Н
Т

Гордясь величьемъ и славою своею;
Неизреченный блескъ и шеплота стопамъ
Предшествоють швоимъ — добропою швоей
Сіяють небеса и плодь земля даешъ.
Но что вы значите и горизонтъ пространный,
И небо чистое — кому предѣловъ нѣшь,
И Солнце исполнишь вѣнчаный,
Что значите собой передъ Творцомъ благимъ?

Вы дѣйствія Его непоспижимой воли!

Онъ повелѣлъ вамъ бытъ и вы уже предъ нимъ!
Его божественны, всемошныя глаголы
Вамъ дали жизнь, красу и все изъ ничего!
Всесильный! Кто понять изъ смертныхъ въ состояннн
Предѣлъ могущества, величья Твоего
И мудрости швоей во всешь швоешь созданнн?
Ты истинный нашъ Богъ и лучезарной свѣшь!
Ты нашъ Творецъ, Господь, источникъ благъ, спасенья;
Чтожь мы предъ Тобой? За нами въ слѣдъ печешъ
И слабощъ, и порокъ, и мракъ недоуменья!
Что наша жизнь? увь! весеннй, слабый цвѣшь,
Которому грозншь и вѣпра дуновенье,
И бури грозной свнсть! какой удѣлъ насъ ждешъ?
Все шлѣнь здѣсь на землѣ и нашъ удѣлъ ешъ шлѣнье!
Сего дня мы шумншь подобно деревьямъ,
Взносящнмся главою до облаковъ шуманнхъ,
Сего дня въ счастья, средъ радосшей желаннхъ —
А завтра прахъ и гробъ всего замѣна намъ.
Народы цѣлые какъ шлѣни нсчезаютъ!
Другнє явнща, заступншь мѣсто ихъ,
И славою, счастьемъ какъ первые блистають;
Но гробы мрачные разверзшы и для нхъ.

Лишь Ты, о Всеблагнй! не знаешъ перемѣнъ.
Тебѣ дачала нѣшь — и нѣшь Тебѣ конца,

Твои всё благости, какъ вѣчность, безпредѣльны!
 Твое величїе, могущество Творца,
 Премудрость, и любовь къ созданному Тобою
 Суть прочныя столпы престола Твоего,
 Суть вѣчныя лучи — являющи собою
 Вездѣ божественность Владыки своего.
 Но что? ужели я постигнуть совершенство
 Безмѣрное Твое, непостижимый Богъ?
 Напрасно все! чтобы Тебя постичь кто могъ
 Тотъ долженъ съ Божествомъ Твоимъ имѣть равен-
 ство.

Чужою я передъ Тобой? одна лишь тварь твоя?
 Что мысли о Тебѣ? одно благоговенїе!
 Едва взнесись къ Тебѣ приемлю дерзновенїе
 И въ безднѣ совершенствъ Твоихъ и бытїя,
 Какъ капля въ безднѣ водъ теряюсь, упоаю!
 Напрасно силюсь постичь Тебя душой,
 Напрасно воспѣвать тебя Творецъ дерзаю
 Въ смятенїи чувства всё и гласъ нѣмѣемъ мой!

Но ты съ любовїю отеческой зриаешь
 На приношенїя къ Тебѣ твоихъ сыновъ
 И ихъ сердечный жаръ, и рядъ несвязныхъ словъ
 Какъ жертву чистую съ небесъ не презираешь.
 Ты въ сердце ихъ лїешь какой то тайной свѣшь,
 И радость пихую, и все очарованье!
 О Боже праведный! внуши мое воззванье:
 Позволь любовїю къ тебѣ свяшой горѣть;
 Позволь истаивать къ Тебѣ въ благоговенїи!
 Ты мой Спаситель, Богъ, помощникъ всеблагой!
 Пробьешь ли утра часъ? и робкой голосъ мой
 Возносится къ Тебѣ съ хвалой, съ благодаренїемъ.
 Покроетсяя ли ночной завѣсой ликъ земли? —
 И я спремлюсь къ Тебѣ, Тебя благословляю,

Тебѣ и мысль мою, и сердце. и хвалы,
И настоящу жизнь, и будущу вручаю.
Текуть ли дни мои счастливою спезей
И безопасно?—хвала Тебѣ, предвѣчный!
Посшигнушь будучи жестокою судьбой?
Все пошь же вздохъ къ Тебѣ, все пошь же гласъ
сердечный —

И Ты отрада мнѣ въ страданіяхъ моихъ.
Ты внимлешь въ счастіи людей благодаренью,
Въ минуты бѣдствія о помощи прощенью
И кровь готовишь имъ въ гоненіяхъ на нихъ.

Внуши природа пѣснь — къ Творцу благоговенье.
Возвысь мой слабой гласъ спремящійся къ Нему
Изъ глубины души! пой Богу моему
Вся тварь хвалебну пѣснь — шы рукъ его шворенье!

Куда возносится, земля, съдой швой парь?
Не Господу ли силъ швое благоуханье?
Такъ! эшо къ небесамъ усердный, чистый даръ,
Даръ эшопъ Господу. Такъ всякое созданье
Ошь мха ничпожнаго до вѣковыхъ дубовъ,
Ошь мошки до слона изъ края въ край вселенной
Все хвалишь Господа любовью оживленно,
И все о благости Его святыхъ даровъ,
О крѣпости Его и мудрости вѣщаетъ!
Ошь трона Господа обильною рѣкой
Могущество, любовь и милость истеклаеть.

Какой хвалебной гласъ служъ поражаетъ мой?
Се Гимнь вселенная: она съ благоговеньемъ
Исполнясь крѣпкихъ чувствъ, въ различныхъ голосахъ
Возноситъ шужъ хвалу, съ шакимъ благодареньемъ
Къ престолу вѣчнаго Царя на небесахъ!
Какъ для меня сія гармонія пріятна!
Природа! голосъ мой сливается съ швоимъ!

Во мнѣ печетъ восторгъ и радость благодатна!
Мы вмѣстѣ гимнь Творцу хвалебной возгласимъ.
Я возношусь къ Нему со трепетной душою.
Творецъ! всеильный Царь и Богъ земныхъ боговъ!
Да льется честь, хвала безбрежною рѣкою
Опъ швари Твоя къ Тебѣ во вѣкъ вѣковъ!

XI. . Развалины Пальмиры.

(Изъ Вольнея.)

Его же.

Скапилось къ западу свѣтило дня — и взоръ
Послѣдній на поля бросаетъ;
И тѣни спелюся, и на вершинахъ горъ
Закашъ спокойно догараетъ.
Плыветъ медлительно по синевѣ небесъ
Съ воспочныхъ странъ Луна—царица милой ноши,
И сыплешь пусклой свѣтъ на лоно водъ, на рощи
И на угрюмой лѣсѣ.

*

Спокоенъ неба сводъ, и воздухъ ясенъ, тихъ,
И все прохладой сладкой дышетъ,
И легкой вѣшерокъ между деревъ густыхъ
Чуть сонные листья колышетъ.
Непримѣчаешь взоръ движенія ни въ чемъ
И все безмольствуешь на дремлющей долинь,
Лишь изрѣдка сова застонетъ — страхъ пустыни —
На камнѣ гробовомъ.

*

Задумчивой Луны лучи едва горятъ;
И въ сумракъ мой взоръ унылый
Какъ призраки, вдали встрѣчаешь, камней рядъ,
Развалины, столбы, могилы.
Уединеніе, таинственный покой,

И блѣдный свѣтъ Луны, и рощи шрепетанье,
Все въ сердце робкое, вливаетъ содроганье
И духъ смущаетъ мой.

*

Здѣсь я одинъ хожу межъ скромныхъ пополей
Сей рощицы уединенной,
Гдѣ шайна грусть въ душѣ раждается моей
Премѣной счастья смущенной.
И бросивъ слабой взоръ или въ шуманну даль,
Или остановивъ на сумрачной долинь,
Иль успрямивъ на видъ развалинь и пустыни
Пишаю лишь печаль.

*

Прошедшее предъ мной воскреснуло какъ сонъ!
Я внемлю громозвучной славы!
Предъ мной Пальмиры вѣкъ, гдѣ были воздвигнуть
пронь
Величью, счастью, забавѣ.

Чинаю наконецъ въ унылыхъ сихъ мѣстахъ,
Что время грозное на все распространяетъ
Свою всеильну влась; что все жить начинаешь,
Живешь — и послѣ прахъ.

*

Такъ! — здѣсь когда то были великолѣпный градъ!
Пальмира — славная столица!
А нынѣ что? — увы! развалинь длинный рядъ
И славы шумная гробница.
Сѣи безмолвныя, печальныя мѣста
Толпами нѣкогда людей одушевлялись

И гласомъ счастья, блаженства отзывались:
Здѣсь нынѣ пустоша!

*

На сихъ разрушенныхъ, одѣтыхъ мхомъ стѣнахъ,
Гдѣ непробудное молчанье,
Быль слышенъ вѣчный шумъ при частыхъ торже-
ствахъ,

И стройныхъ лиръ бряцанье.
Сей мраморъ брошенный чертоги составлялъ;
Сѣи низринуты громады украшали
Величье олшарей; твердыни здѣсь стояли —
Здѣсь возвышалоя валь!

*

Сюда стекалися изъ дальныхъ городовъ
Усердныхъ жертвъ для приношенья;
Здѣсь бѣдный находилъ и помощь, и покровъ,
И лучшее въ печали утѣшенье,
Счастливецъ — блага всѣ и удовольствій верхъ!
Сюда — промышленность причина наслажденій —
Несла сокровища изъ дальныхъ странъ безцѣнны —
И съ ними сонмъ утѣхъ.

*

Здѣсь Тирски пурпуры и кашемирская тканьъ,
И амбра, и металлъ Офирской
Мѣнялися на ковры Лидійскихъ славныхъ странъ,
На лучшей жемчугъ Аравійскій:
А нынѣ что я зрю? Гдѣ городъ знаменитъ?
И что осмалось? Опвѣстивуй мнѣ молчанье.
Увы осмалось намъ Пальмиры лишь названье
И камней страшный видъ.

Такъ! все исплѣло здѣсь Сатурна подь рукой!

Такъ! всѣ красы перемѣнились!

Мѣста — гдѣ видѣнь былъ веселій шумныхъ строй—

Пустыней дикою явились.

И шумъ усѣянныхъ народомъ площадей —

Безмолвіе гробницъ унылыхъ замѣнило;

И время тѣму богашствъ въ ничтожность превра-
тило

И градъ въ жилѣе звѣрей!

*

И тамъ, гдѣ царскіе чертоги къ облакамъ

Вносились гордыми главами;

И гдѣ кумирь богамъ воздвигнушь былъ; гдѣ храмъ

Блисхаль съ злаными одшарями

Тамъ змѣи ползають и звѣри бродяшь вкругъ!

Ахъ! какъ зашмилася сѣя гремяща слава!

Куда сокрылся градъ и сильная держава?

Какъ жизни огнь пошухъ?

*

Такъ гибнешь въ мѣрѣ все подь пагубной косой

Времень въ стремительномъ полешѣ;

Такъ наше счастье премѣнно подь луной

И постоянства нѣшь на свѣтѣ;

Такъ гибнешь все, что умъ и прудъ произведешь;

Такъ слава, почести, величье улешають;

Такъ цѣлы города и царства исчезають

И самой мѣрѣ падешь!

*

XII. Кладбище.

(Элегія)

Студента Полова.

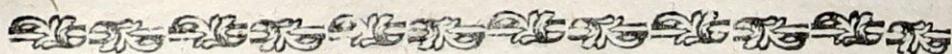
Блѣднѣетъ западный, зарей горѣвшій, сводъ. . . .
И сумракъ вѣстникъ мглы по воздуху разлился. . .
И ночь на смѣну дня со скипетромъ идешь. . .
И видъ земли и воздухъ мглой покрылся.
Вось звѣзды яркія — водимыя луной
Разсыпались по небу голубому,
И дремлющій Морфей, волшебною рукой,
Зовешь природу всю къ покою дорогому. —
Покой! — Ахъ, онъ бѣжитъ моихъ очей!
И чуждымъ кажется для сердца испомленна,
Пойду, блуждаешь туда, гдѣ нѣтъ суеты, цѣпей,
Гдѣ плѣнешъ смертныхъ персть — землю покровенна!
Гдѣ чувства всѣ уснули смерти сномъ,
И нѣтъ уже надеждъ пріятныхъ, ослѣпленья,
Гдѣ разрушеніе тягчишь своимъ ярмомъ,
Гдѣ жертвы смерти злой и жертвы плѣнья.
Какъ призракъ мнѣ вдали открылся Божій храмъ,
И рядъ крестовъ, могилъ и памятниковъ славы;
Здѣсь непробудно спяшь всѣ по своимъ гробамъ
Сынъ нищеты и сынъ фортуны величавый.
Безмолвіе вокругъ. — Лишь лучъ луны скользиль
По камнямъ — времени рукою разваленнымъ,
Лишь вѣтеръ вѣющій правою шевелить,
Иль крестъ колеблется челомъ къ землѣ склоненный.

Любимцы счастья! придите вы сюда
Познашь ничтожество теперь вамъ льстящей славы,
Читайше здѣсь, что вамъ готовитъ впредь судьба:
И вы узнаете всемогущія уставы!
Пускай кресты сїи — склоненные къ землѣ,
Зеленымъ мхомъ покрыты мавзолеи,
Покажущъ вамъ, что лавръ блестящій на челѣ
Краса минутная суть смерти злой шрофеи.
Ахъ! вы узнаете обманъ своей мечты,
И къ славѣ суетной ничтожное стремленье,
Что блескъ чести и блескъ наружной красоты,
Прейдущъ какъ сонъ — и ихъ коснется разрушенье!
Вы здѣсь услышите для сердца внятныи гласъ:
Все въ мїрѣ вѣрная есть смерти алчной жертва!
И лишь пробѣшь судьбой опредѣленной часъ;
Богатства, честь пройдушь — и слава будетъ мертва!
Такъ для чего же васъ лелѣешь мощный рокъ?
И нужноль вамъ у ногъ фортуны преклоняшь?
Или не знаете, что времени потоки
Заставишь васъ съ шолпой безвѣстной сравняться?
Или не знаете, что вамъ готовитъ въ даръ
Неумолимый Кронъ сей жизни за предѣломъ? —
Что нанеся косою послѣдній свой ударъ,
Вамъ гробъ и плѣнїе готовитъ онъ удѣломъ!

.
Отвѣтствуй мнѣ прошу — убиному поскои
Усопшихъ кладбище — обитель разрушенья!
Когда ты и мою персть примешь въ свой покой?
Когда окончатся сердечныя томленья?
Покуда на землѣ душою мнѣ страдать,
Несъ тяжкое ярмо несносныхъ печали?
Покуда дни мои по горестямъ щипать?

Е
Е
И
Е
Е
И
И
У
О
У
„Е
„З
„Т
Т
Д
Т
Г

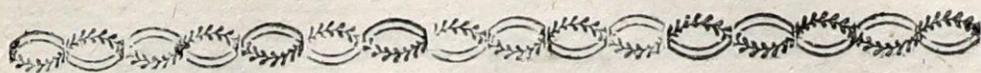
Еще ли душа моя и сердце не страдали? —
Еще ли удары мнѣ нещастія сносить
И съ вянущей душой средь горестей помиться?
Еще ли слезы мнѣ сердечной муки лишь?
Еще ли жизнь моя къ мученьямъ будетъ длиться? .
И наслажденія — ужель не мой удѣлъ?
И щастіе — меня рукою не коснется?
Уже ли всѣмъ моимъ мученіямъ предѣлъ
Одинъ лишь только гробъ холодной остаётся? . . .
Уже ли? . . . Но въ груди я слышу нѣкій гласъ:
„Есть мѣръ другой, тамъ вѣрная награда,
„За медленный, сей жизни грустный часъ,
„Тамъ вѣчная и сладкая опрада!“
Такъ, за предѣлами сей жизни роковой,
Духъ сброситъ тяжку цѣпь поминельныхъ страданій;
Тамъ сердце отдохнетъ гнѣтомое тоской,
Гдѣ нѣшь помленія и тщетныхъ ожиданій!

XIII. Щастіе мудраго.

Студента Андрея Карасева.

Блажень, кто цѣль одну — творить добро имѣеть,
Кто въ мѣрѣ суешномъ идетъ спезей прямой,
Кто здѣсь въ согласіи со всѣми жить умѣеть —
И любишь истинну — хранить законъ святой!
Не слѣдуетъ страстей губительныхъ влеченю,
И змѣи зависти грудь томну не грызуть,
Кто жребій ввѣрилъ свои благому Провидѣнью:
Спокойно дни того въ веселіи шекуть.
Онъ съ чувствомъ искреннимъ судьбу благословляетъ,
Доволенъ завсегда здѣсь участью своей,
Укромну хижину свою не промѣняетъ
На зданья гордыя роскошныхъ богачей.
И кто бы ни былъ онъ — иль славныхъ царствъ вла-
ститель, —
Иль въ скромной бѣдности ведущій крапкій вѣкъ;
Вездѣ несчастныхъ онъ отецъ и покровитель
И въ самыхъ бѣдствіяхъ — великій человекъ.
Пускай враги его спокойствію нарушаютъ,
Пускай тѣснятъ его жестокостью своей,
Пусть сѣти тайныя злодѣи соплетають;
Но щасливъ онъ — хранимъ Всевышняго рукой.
Когдажъ ужасна смерть съ косою предъ нимъ пред-
станешъ
И Парка дни его увядши допрядетъ;
Тогда съ спокойствіемъ на западъ жизни взглянешъ —
Въ блаженну вѣчность онъ въ веселіемъ поидетъ.

XIV. Уныніе.

Его же.

На холмѣ Феба лучь, мерцающа, догараесть;
И тѣни горь легли по бархатнымъ лугамъ,
Пурпурнымъ заревомъ лазурный сводъ пылаесть,
И громкій говоръ птицъ раздался по лѣсамъ.
Стада идушь съ полей медлительной спою
При звукѣ роговомъ веселыхъ паспуховъ;
Зефиры легкіе играютъ межъ правою —
Разносять аромать по воздуху цвѣтовъ;
Въ тѣни густой между вѣтвистыми древами
Кашится ручеекъ струимый вѣтеркомъ,
Лобзая берега устьяны цвѣтами,
И блещесть въ муравѣ разосланной кругомъ.
Какой прекрасный видъ! вездѣ очарованье!
Все улыбается къ веселію зоветь;
Все юныя весны пѣесть сладкое дыханье:
Лишь сердцу моему веселія здѣсь нѣтъ! —
Иду, печали полнъ, въ мечтанья погруженный
Извивистой пропой на опшески поля,
Гдѣ щастливъ прежде былъ надеждой оживленный,
Гдѣ юношь нѣжная въ безопасности цвѣла,
Гдѣ дни мои текли подъ сѣнью опча крова
Подобно чистому потоку въ тишинѣ,
Гдѣ я не зная бурь — порывовъ рока злова —
Безвѣстну будущность ввѣрялъ злашой мечтѣ;
Но быстро унеслись минушы наслажденья
Крылатый сонмъ надеждъ мгновенно улетишь,

Тоской смѣнились сердечны восхищенья —
И цвѣтъ веселія въ душѣ моей опцвѣль.
Жестокая печаль идетъ во слѣдъ за мною!
Ахъ! трудно радости прошедши возвратить.
Простившись на всегда съ прелестною мечшою,
Не можно въ шучѣ бѣдѣ спокойно вѣкъ прожить.

XV. Уединеніе.

(Съ Польскаго.)

Студента Алексѣя Карасева.

Какъ сладко жить въ уединеніи,
Оставя шумный свѣтъ;
И погрузишь на вѣкъ въ забвеніи
Тщету мірскихъ суетъ!
Какъ сладко жизнью наслаждаешься.
Когда покоенъ духъ;
Мечтамъ пріятнымъ предаваешься,
Когда есть нѣрный другъ!
Я щасливъ! нынѣ удаленный
Отъ гордыхъ богачей
На родинѣ живу священной
Среди семьи своей.
„Здѣсь все, что сердцу было мило,
„Опять я окружень;
„Съ судьбой невидимою силой
„Опять я примирень.
Чего мечтою обольщенный
Я въ свѣтѣ не нашель;
Веселіе, покой безцѣнный
Я въ хижинѣ обрѣлъ;
Теперь и счастье вѣроломно
Меня не устрашитъ;
Я въ пристань сталь — и зрю спокойно
Какъ море тамъ кипитъ;
Пусть буря мрачными крылами,

Вздымаетъ водъ бугры,
И поглощаются волнами
Плывущи корабли.
Неустрашимъ, надежды полный,
На всѣ премѣны зрю;
И жизнью своею довольный
Творца благодарю! . . .
О будь умѣренность святая,
Во вѣкъ соупникъ мой;
И жизнь цвѣтами украшая
Меня опъ бѣдствій скрой!
Пусть вредна роскошь удалишся
Къ угрюмымъ богачамъ;
Пусть ею Сибаритъ гордишся
И куришь фиміямъ
Пусть щастіе меня забудеть,
Средь радости моей;
Но совѣсть чистая да будетъ
Со мною въ жизни сей!
Мой домъ соломою покрытый,
Да будетъ всѣмъ открытъ;
Пускай идетъ судьбой забытый
Пріютъ себѣ найти. . . .
Пускай мое благотворенье
Вкушаетъ ближній мой,
И шлеть — не мнѣ — благодаренье
Всевышнему съ слезой;
Пускай веда всѣ дни унылы
Мой бѣдный другъ иль братъ
Хоть скажешь на краю могилы
И я былъ жизни радъ!
Ко мнѣ гласъ шума городского
Сюда не долетишь;

Я счастья не ищу инаго:
Хочу безпечнымъ быть!
Живите гордецы для славы,
Блаженствуй властелинь!
Для васъ оставилъ я забавы;
Ликуй вельможи сынъ! . . .
Но я блаженъ въ краю забвенномъ,
Средь опческихъ полей;
Въ уединеніи священномъ
Я счастливѣй Царей!
И я въ обители покоя
Не буду трепещать;
Но стану съ мужествомъ героя,
На грозну смерть взирать! . . .

XVI. Гимнъ Солнцу.

(Подражаніе Нарушевичу.)

Студента Золотарева.

О кроткій Царь небесъ, которымъ все живетъ,
Какъ Богъ въ величїи текущій по эфиру,
И взорами очей дающій жизнь и свѣсъ,
Неизмѣримому тебѣ подвластну міру!
Твоей улыбкою земля оживлена
Свое печеніе въ веселїи совершаетъ;
Всшавая медленно отъ ложа зимня сна,
Цвѣтеть украшенна, родить и отдышаетъ.
Какъ Царь вселенныя сія въ высотѣ,
Ты гордо шествуешь небесною стезею,
И златовласой день въ прелестной красотѣ,
Какъ вѣстникъ твой вездѣ лепитъ передъ тобою.
Когдажъ свершивши путь на одръ багряной сна
Возляжешь опочишь печеньемъ утомленный,
Ночь хмурая идетъ во мракъ облечена,
Возсѣсть скорѣй на тронъ свой тайной окруженный;
И міръ безмолствуетъ объятый тишиной,
Лишь тусклая луна среди небесъ сіяя,
Какъ бы надгробная лампада надъ землею
Одна во мглѣ горитъ міръ спящій озаряя.
И все твореніе сномъ таинственнымъ спитъ,
Какъ будто смерти жизнь міръ тайно повѣряетъ.
Иль нѣкій грозный духъ невидимо даритъ
И постепенно жизнь всего останавливаетъ.
Но лишь проснувшись на шверди голубой,

Проглянешь робкая сребристая зарница,
Бѣжишь блѣднѣя ночь поспѣшною стопой,
И гаснешь въ облакахъ скрываясь звѣздъ Царица
И возбудясь отъ сна стыдливая заря
Идетъ, и розами сводъ неба усыпая,
Съ улыбкой страстную взиряешь на себя,
Какъ бы настигнута тобою бышь желая.
И вдругъ какъ молнія твоей первой лучъ разсѣкъ,
Завѣсу облаковъ явивъ тебя вселенной,
И ты какъ молодой женихъ на бракъ изтекъ
Въ порфиру пламенну роскошно облеченный.
Все пробудилось, въ веселіи земля,
Какъ дѣва юная украшена цвѣтами
Съ улыбкой радостной взиряешь на себя;
И горы первыми зажженныя лучами,
Какъ олтари дымясь возносясь фиміамъ;
И бурной Океанъ сравнивъ сердиты воды,
Какъ въ чистомъ зеркалѣ явилъ твоимъ очамъ
Прелестный образъ твой о крохкѣй Царь природы.
Ты улыбаясь капишься въ небесахъ
Смотря съ высотъ на мѣрь украшенный тобою,
Прелестно убранной весны молодой въ цвѣтахъ;
Но недовольный сей наружной красотой
Раздравши пламеннымъ покровъ земли лучемъ
Ты нову въ сердце жизнь ей тихо изливаешь
И глыбы щощія съ бесплоднѣйшимъ пескомъ
Въ алмазь и золото таясь приготавлиаешь.
Когдажъ зима дохнувъ весь мѣрь оледенишь
И ты сокроешься одѣтое туманомъ,
Природа въ снѣ глухомъ безмолвная лежитъ,
Какъ будто ликъ ея свить смерти покрываломъ;
И мгла глубокая нахмурясь надъ землею
Зіяя ей грозитъ погибелью конечной;

И мѣрь трепещущій обь участи своей,
Какъ будто гибнетъ вновь Хаоса въ безднѣ вѣчной.
Но лишь блеснешь твоей лучъ сквозь завѣсь облаковъ,
И мѣрь твой ликъ узришь весельемъ оживленный,
Все пробуждается отъ тягостныхъ оковъ,
Привѣтствовашь возвратъ твой кропкѣй Царь все-
ленны.

Чистъ, ясенъ сводъ небесъ — какъ зеркало блестяшъ
Сверкая въ берегахъ зеленыхъ рѣки глашомъ;
И роши водъ въ стекло любуясь глядяшъ,
Въ уборѣ зелени роскошномъ и богатомъ.
И сбросивъ снѣгъ съ рамень своихъ лугъ молодой,
Одѣшый зеленью какъ бархашъ опливаетъ,
И вѣшерокъ струясь по нивѣ золотой
Цвѣты прелестные украдкою лобзаетъ.
Спада унылыя опять себя узрѣвъ,
Бѣгутъ рѣзваясь въ поля знакомою проною;
И море бурное, что разверзая зѣвъ,
Готовилось пожрать все бездною сѣдою,
И всѣхъ звало на брань, свой прежній гнѣвъ забывъ,
Еще манишь пловца надеждою прельщая,
Когда въ купели водъ власы свои омывъ
Ты улыбаешься изъ моря выплывая.
Тебѣ покорно все, пусть черны облака
Чревапы бурями зашмятѣ день ризой мрачной,
И вспыхнутъ молніей раздранны облака,
И громъ по ребрамъ тучъ гремя во мглѣ ужасной
Погибелью землѣ трепещущей грозитъ;
Но лишь раскинушый твой поясъ семицвѣтныи,
Какъ вѣстникъ пишины на небѣ возблещишь,
Смолкъ громъ, — и мѣрь опять воскресъ въ красѣ пре-
лестной,
И зелень спрыснуша луговъ блестяшъ ярчѣй,

И съ холмовъ, какъ съ кадилъ льетъ ароматъ ду-
шистый;

Опять пастухъ погналъ стада на злакъ полей
Скрывавшійся дополь въ ущельяхъ горъ кремнистыхъ.
О ты, что въ мигъ одинъ мѣрами населилъ
Неизмѣримую ничтожества пустыню,
Гдѣ миріады звѣздъ, безчисленныхъ свѣшилъ,
Какъ бы одинъ народъ имѣя цѣль едину
Въ благоговѣннѣй согласно къ ней шекушь,
Кто тусклую Луны лампаду возжигаетъ
Чтобъ ею озарить земли сокрытый путь;
Кто завѣсу зари по небу простираетъ.
И каждый день съ небесъ, какъ вѣрнаго посла,
Любимца своего, съ богатыми дарами,
Въ великолѣпнѣй достойномъ божества
Шлетъ солнце оживишь уснувшій мѣръ лучами.
О ты въ комъ всѣхъ вещей начало и предѣлъ!
Возможноль получишь тебѣ ошь твари плѣнной,
Хвалу достойную твоихъ великихъ дѣлъ:
Возможеть ли языкъ ничтожный перспи бренной
Благотворенія твои Творецъ воспѣшь.
На крылія духовъ ты сферы положивши,
И ограничивши путемъ звѣздъ ихъ полетъ,
Блудешь вселенную съ престола взоръ склонивши:
О! что безъ твоего святаго провидѣнья
Былабъ вселенная всевышнѣй, мудрый духъ?
Когдабъ на мигъ одинъ бразды мѣроуправленья
Для испытанья ты почивши положилъ;
Мгновеннобъ рушились колеса всей вселенны,
И мѣръ въ развалинахъ челобъ свое сокрылъ.
И колесницыбъ звѣздъ на произволь пущенны,
Безъ управленія среди небесъ носясь,
Смѣшавшись погреблись средь общаго смятенья;

И Хаосъ съ нощю угрюмой воцарясь,
Возсѣлъ оплакивать погибшія творенья.
Такъ, все твоей персть любви Творецъ святой хра-
нить;

И если человекъ сынъ слабой персти, плѣнья,
Но благостью твоей ущедренный молчить,
Скрывая сердца дань — хвалу благодаренья:
То весь пространный мѣръ украшенный тобой,
Тебя Создателя хвалами возносящій
Есть славы твоея храмъ вѣчной, пресвятой
А солнце, жертвенникъ златой, всегда горящій.

XVII. Къ Валгѣю.

(Вольный переводъ изъ Горація.)

Студента Павла Сендецаго:

Дождь идетъ и перестанетъ;
Волны стихнуть поревѣвъ;
Люмый пигрь рыкавъ усанетъ
И замворишь алчный звѣвъ.

*

Хладъ не вѣчно покрываетъ
Рѣки льдяною корой;
Дубы сильный вѣспрь качаетъ
Не всегда — а лишь порой.

*

Валгѣй! ты не подражаешь
Лишь одинъ природѣ всей,
Ты одинъ лишь грустьъ пипаешь
Завсегда въ груди своей.

*

Мистьъ твоя умерь — вошь причина
Слезъ и скорби твоея.
Но всегдашняля кручина
Жизни есть удѣль сея.

*

Несторъ вить по Аншилохѣ
Не до гроба слезы лиль;
Плакаль онъ, грустиль и вздохи
Послѣ во все прекрашилъ.

Скорби также предавались
Мать Троила, братель, отецъ;
Но лишь въ волю нарыдались
Скорбямъ здѣлали конецъ.

Перестань и ты любезный
Горькихъ слезъ потоки лишь;
Зло подъ солнцемъ неизбѣжно —
Грустью зла не прекрашишь.

Лиру въ руки — пой со мною
Августа шрофеи вновь;
Иль въ поварищи взявъ Хлою
Пой коль хочешь съ ней любовь.

XVIII. Къ Ласточкѣ.

(Подражаніе Польскому.)

Его же.

Привѣтствую тебя съ приятнымъ для меня
Любезна ласточка, въ нашъ край родной возвратомъ;
Лети — гнѣздо твое давно ужъ ждетъ тебя
И вокругъ его весны все дышешь ароматомъ.

Сноси невинная опять ты мягкой пухъ
Укроной хижинки надъ низкое окошко
Чириканьемъ своимъ утѣшь о милый другъ!
Ты сердце грустное — утѣшь хотя немножко.

*

Спокойно ласточка ты вѣкъ свой провождаешь —
Печаль не посѣпшитъ тебя въ гнѣздѣ твоемъ;
Твой милый прилетитъ; его ты ожидаешь;
Вездѣ ты счастлива — твой другъ съ тобой вездѣ.

*

Делеяшь лишь плоды горячей твоей страсти,
Ихъ къ сердцу нѣжному всечасно прижимаешь
И отдаляешь отъ нихъ коварныхъ, злыхъ напасти.
Вотъ все что въ жизни твоей, лишь можешь занимать.

*

Дѣшей лишь воспитать и предоставить волѣ.
Природа замѣнитъ потерю твою въ нихъ

Жить будутъ такъ какъ вы: лешать въ воздушномъ
И послѣ такъ какъ вы оставяте чадъ своихъ. полѣ

*

Ахъ! будуль я имѣть когда подругу нѣжну
Копораябъ со мной дѣлила по поламъ
И жизни радости и долю горьку, слезну;
Неслабъ со мною данъ улыбка и слезамъ?

*

Умру бытъ можеть я далеко отъ страны
Гдѣ свѣтъ узрѣлъ, гдѣ былъ въ младенчествѣ пре- Сь уль
лестномъ
Гдѣ нѣжной мой отецъ, гдѣ мать погребены
Гдѣ предковъ шлѣеть прахъ, во гробѣ мрачномъ, тѣ-
сномъ.

*

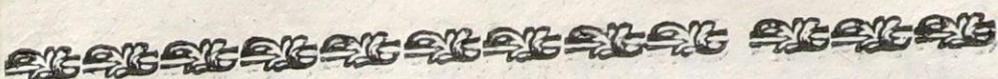
Увы! бытъ можеть тамъ за синими горами
Печальный кипарисъ могилу осѣнишь;
И спранникъ лишь одинъ блуждая межъ гробами
Слезю неродной прахъ сираго почшишь! . . .

Лучь п

Водим

Или я

Любез

XIX. Луга.

(Идиллія изъ Жофре.)

Его же.

Цвѣтущіе луга!

Привѣтствую я васъ!

О сколь пріятны вы!

Въ то время какъ зефиръ

Съ улыбкой рѣвою, вашъ пестрый верхъ волнуешь!

Иль въ шопъ прелестный мигъ

Златый какъ Феба кругъ

Въ послѣдній разъ на васъ

Скрываясь отъ земли

Лучъ пурпурно — златый, отъ запада бросаетъ!

Прекрасный милый лугъ,

Сколь часто бѣгаль я

По злачнымъ берегамъ —

Воскрыліямъ швоимъ

Водимый матерью чувствительной и нѣжной!

Пріятно было ей

Какъ я во кругъ рѣвлясь

Скакаль чрезъ ручеекъ,

Иль бабочку ловиль

Или ягненокъ я гладиль ослабляясь.

Какъ часто я вѣнокъ

Изъ розъ или лилѣй

Проворною рукой

Соплетши подносиль

Любезной маминькѣ моей, съ улыбкой нѣжной!

Или наскуча имъ
Бросаль его въ ручей
И съ радостью смотрѣль
Какъ волны быстро мчась
Вънокъ душистой мой шацили за собою!
О милые луга!
Ахъ! сколько вы теперь
Приводите на умъ
Питомцу своему
Прелестныхъ, сладостныхъ и милыхъ воспоминаій!

56795

Лен. Гос. ун-т
НАУЧНО-БИБЛИОТЕЧНАЯ
СЛУЖБА